Корни

Автор:
Алекс Хейли

Корни

Алекс Хейли

Best Book Awards. 100 книг, которые вошли в историю

«Корни» – одна из самых необычных и влиятельных книг американской литературы. Перед читателями разворачивается драматичная история шести поколений одной семьи, среди которых рабы и освобожденные, фермеры и кузнецы, музыканты и бизнесмены, адвокаты и архитекторы… и один автор. Сразу после выхода «Корни» стали национальным и международным феноменом. Но и спустя 40 лет роман продолжает увлекать читателей своим повествовательным драйвом и исключительной эмоциональной силой.

Алекс Хейли

Корни

Alex Haley

Roots

© 1974 by Alex Haley

© Новикова Т. О., перевод на русский язык, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Посвящение

Я не думал, что подготовительная работа и написание этой книги займут целых двенадцать лет. Лишь случайно она была опубликована в год двухсотлетия Соединенных Штатов. Поэтому я посвящаю «Корни» моей стране, где происходит большая часть описываемых событий.

Комета Хейли

С самого начала «Корни» Алекса Хейли были чем-то большим, чем обычная книга. В этом романе очень точно отражена тоска чернокожих американцев по дому своих африканских предков, разграбленному и разрушенному веками рабства. Это не просто сплетение исторической и литературной частей (многое жестко критиковалось и даже опровергалось): поиск своих корней изменил представление чернокожих о себе и восприятие их белой Америкой. Мы перестали быть генеалогическими кочевниками, лишенными надежды узнать имена и наследие тех, из чьих чресл и культуры вышли. Хейли вписал черный народ в книгу американского наследия и помог нам поверить, что и мы можем найти своих предков. Кунта и Киззи (и Цыпленок Джордж) стали членами нашей черной американской семьи. Вот почему никакие промахи и недостатки книги Хейли не могут затмить тот сияющий свет, что он пролил на душу черных. Монументальный том Хейли помог убедить нацию в том, что история черных – это история Америки. Он показал, что их человечность – это сияющий маяк, чудесным образом пробившийся сквозь жестокости и ужасы рабства.

Когда на расовом небосклоне нации взошла комета Хейли, мне было семнадцать и я еще учился в школе. Книга сразу изменила характер наших разговоров и помогла увидеть тот исторический период, который мало кто из нас понимал по-настоящему. До книги Хейли о драме американского рабства предпочитали не

говорить публично. Разумеется, нас сразу же захватил эпохальный мини-сериал по книге Хейли – авторы очень точно исследовали объемную и порочную эволюцию рабства. Книга и мини-сериал привели к другому феномену – открытию чернокожими самих себя. Слишком долго рабство было американским кошмаром, который оставил в душах чернокожих воспоминания о боли и унижениях. Книга Хейли вывела черных из тени стыда и невежества. Многие из нас впервые в жизни открыто и честно заговорили о сохраняющемся влиянии многовекового угнетения. Если борьба чернокожих в 60-е годы освободила наши тела от мучительных императивов белого превосходства, то книга Хейли помогла освободить наши умы и души от той же силы.

«Корни» заставили белую Америку отказаться от амнезии, подпитывавшей ее моральную незрелость и расовую безответственность. Пока не было книги или картины, которая передавала бы уродливые последствия рабства, нация могла вести себя так, словно все расовые проблемы были решены, когда чернокожие граждане наконец-то получили права. Но Хейли помог нам воспротивиться этой соблазнительной лжи, дав тонизирующий глоток правды: нация так до конца и не разорвала опасных уз с институтом, даровавшим процветание белым и одновременно сокрушившим все возможности черных. «Корни» – это важное напоминание о том, что, пока мы не победим прошлого, нам придется оставаться в его мертвящей узде. Книга вышла в свет, когда нация восторженно и романтично праздновала свое двухсотлетие, и стала краеугольным камнем альтернативной истории. Хейли помог гражданам, обладающим ответственностью и совестью, иначе взглянуть на свою страну, которую они всегда считали абсолютным воплощением духа демократии и свободы.

Книга Хейли стала началом разговора о корнях афроамериканцев, который длится и по сей день. Тесты ДНК, подтверждающие африканское происхождение, становятся все более популярными. Отчасти это объясняется развитием науки, но культурный стимул подобного расового осознания кроется в потрясающей книге Хейли. Кроме того, «Корни» появились в том же году, когда Неделя афроамериканской истории была официально расширена до Месяца афроамериканской истории. Все произошло в самый нужный момент и способствовало глубокому изучению сложного вклада чернокожих в национальную культуру Америки. «Корни» Алекса Хейли пробудили у рядовых граждан любопытство. Его книга сделала доступными для понимания сложные переплетения расового вопроса с политикой и культурой. Задолго до того как запрос на иную историю стал боевым кличем прогрессивных ученых, книга Хейли воплотила его в жизнь. И хотя автор не раз ошибался, тем не менее ему удалось направить миллионы людей на верный путь расового и исторического

познания. Немногие книги оказали столь мощное влияние на аудиторию.

«Корни» Алекса Хейли, бесспорно, один из судьбоносных текстов нации. Эта книга повлияла на события, выходящие далеко за пределы описываемого на ее страницах, и стала настоящей Полярной звездой, направляющей нас в долгой ночи мучительного наследия рабства. «Корни» – это пример великолепного рассказа о пути народа по трясине утраченных расовых связей к твердой почве восстановленного самосознания. По одной только этой причине книгу Хейли можно считать классикой американского честолюбия и устремлений чернокожих. Каждое поколение должно выбрать свои ориентиры в опасных водах расовых грехов нашей нации. И каждое поколение должно преодолеть социальные болезни через новое познание и решительные действия. «Корни» – яркое напоминание о том, что мы можем достичь этих целей только одним путем – взглянув прямо в лицо истории.

Майкл Эрик Дайсон

Глава 1

Ранней весной 1750 года в деревне Джуффуре, что в четырех днях пути вверх по реке от побережья Гамбии в Западной Африке, у Оморо и Бинты Кинте родился мальчик. Явившийся на свет из сильного, молодого тела Бинты, он был таким же черным, как и она, скользким от ее крови, а еще крикливым. Две морщинистые повитухи, старая Ньо Бото и бабушка младенца Яйса, увидели, что это мальчик, и засмеялись от радости. Как говорили предки, первенец-мальчик – это особая милость Аллаха не только родителям, но и их семьям. Теперь все знали, что имя Кинте будет известно и сохранится в веках.

До первых петухов оставался еще целый час. Первым, что услышал младенец, кроме болтовни Ньо Бото и бабушки Яйсы, было приглушенное ритмичное постукивание деревянных пестиков – женщины деревни начали молоть кускус в своих ступках, чтобы приготовить на завтрак традиционную кашу: ее варили в глиняных горшках на костре, разведенном среди трех камней.

Над маленькой пыльной деревней, состоящей из круглых, обмазанных глиной хижин, поднимался тонкий голубой дымок, едкий, но приятный. Раздался гнусавый вопль местного алимамо[1 - Духовный лидер в деревнях народа мандинго (Здесь и далее прим. ред.).], Каджали Дембы, созывавшего мужчин на первую из пяти ежедневных молитв. Молитвы эти возносили Аллаху с незапамятных времен. Мужчины сбрасывали выделанные шкуры, поднимались с бамбуковых постелей, натягивали холщовые рубахи и спешили к месту молитвы, где алимамо уже возвещал: «Аллаху акбар! Ашхаду ан ля иляха илля Ллаху!» («Бог велик! Нет Бога, достойного поклонения, кроме Него!) После, когда мужчины возвращались домой завтракать, Оморо шагал среди них, сияющий и восторженный, и рассказывал о рождении своего первенца. Все поздравляли его и радовались доброму предзнаменованию.

Вернувшись к себе в хижину, каждый мужчина принимал у жены калабаш[2 - Чаша, сделанная из высушенной тыквы.] с кашей. Жены отправлялись на кухню, расположенную позади хижины, кормили детей и лишь потом садились есть сами. Покончив с едой, мужчины брали короткие мотыги с изогнутыми ручками. Деревенский кузнец покрыл их деревянные лезвия железом. Вооружившись этим нехитрым орудием, мужчины отправлялись на работу – расчищать землю для возделывания земляных орехов, кускуса и хлопка. Этими культурами занимались только мужчины, а рис был уделом женщин. Так текла жизнь в жаркой пышной саванне Гамбии.

По древнему обычаю, следующие семь дней Оморо должен был заниматься одним-единственным важным делом – выбирать имя для своего первенца. Имя должно было иметь богатую историю и сулить счастливое будущее. Племя Оморо – мандинго – верило, что ребенок позаимствует семь качеств от того, в честь кого или чего его назовут.

От своего имени и от имени Бинты в течение недели раздумий Оморо побывал во всех домах в Джуффуре и пригласил каждую семью на церемонию наречения новорожденного. Такая церемония традиционно проходила на восьмой день жизни младенца. В этот день мальчик, как когда-то его отец и отец его отца, должен был стать членом племени.

Когда настал восьмой день, ранним утром жители деревни собрались перед хижиной Оморо и Бинты. Женщины обеих семей несли на голове калабаши с церемониальным кислым молоком и сладким печеньем мунко, приготовленным из молотого риса и меда. Карамо Силла, джалиба[3 - Музыкант.] деревни, уже

поджидал их со своими тамтамами[4 - Ударный музыкальный инструмент, разновидность барабана.]. Пришли и алимамо, и арафанг[5 - Учитель.] Брима Сезей, которому предстояло в будущем стать наставником ребенка. Пришли и два брата Оморо, Джаннех и Салум. Они пришли издалека, чтобы присутствовать на церемонии, – новость о рождении племянника им донесли тамтамы.

Бинта гордо вынесла своего младенца. Как положено в такой день, с его головки сбрили небольшой клочок первых волос. Все женщины с восторгом восклицали, как прекрасен этот младенец. Когда джалиба начал стучать по барабанам, женщины смолкли. Алимамо произнес молитву над калабашами с кислым молоком и печеньем мунко, и, пока он молился, каждый гость прикасался к краю калабаша правой рукой в знак уважения к пище. Потом алимамо стал молиться над младенцем, прося Аллаха даровать ему долгую жизнь, удачу, богатство и честь, много детей его семье, его деревне, его племени – и, наконец, силу духа, чтобы заслужить и прославить имя, которое сейчас получит.

Оморо вышел вперед, к жене, и обратился к собравшимся. Потом поднял младенца так, чтобы все видели, и трижды прошептал на ухо сыну имя, которое выбрал для него. Впервые в жизни младенца было произнесено его имя – народ Оморо верил, что каждый человек должен первым узнавать, кто он есть в этом мире.

Снова грянули тамтамы. Теперь Оморо прошептал имя на ухо Бинте, и жена улыбнулась с гордостью и радостью. Затем Оморо прошептал имя на ухо арафангу, стоявшему за жителями деревни.

– Первого ребенка Оморо и Бинты Кинте зовут Кунта! – прокричал Брима Сезей.

Все знали, что таким было среднее имя недавно умершего деда младенца, Каирабы Кунты Кинте. Каираба пришел из родной Мавритании в Гамбию и спас жителей Джуффуре от голода. Он женился на бабушке Яйсе и честно служил Джуффуре до самой своей смерти. Жители деревни почитали его святым.

Один за другим арафанг называл имена мавританских предков, о которых часто рассказывал дед младенца, старый Каираба Кинте. Имена были велики и многочисленны. Они уходили в прошлое более чем на две сотни дождей[6 - Лет.]. А потом джалиба ударил в барабан, и все стали громко восхищаться и

выражать уважение к столь достойной родословной.

В ту восьмую ночь жизни своего сына Оморо завершил ритуал наречения под луной и звездами. Они были вдвоем, только он и Кунта. Оморо взял маленького Кунту на свои сильные руки и отправился на окраину деревни. Там он поднял младенца так, чтобы лицо его было обращено к небесам, и тихо произнес:

– Фенд килинг дорог лех варрата ка итех тее. (Узри: вот то, что больше тебя, единственное в мире.)

Глава 2

Наступил сезон посадки растений. Того и гляди должны были пролиться первые дожди. Мужчины Джуффуре пропалывали свои поля, складывали сухие сорняки в огромные кучи и поджигали, чтобы потом легкий ветерок удобрил почву, разнеся золу во все стороны. А женщины на рисовых полях уже сажали зеленые ростки во влажную землю.

Пока Бинта оправлялась от родов, за ее рисовым наделом присматривала бабушка Яйса. Но теперь она была готова взяться за дело. Кунта дремал на ее спине в тряпочном мешке, а Бинта шагала на поле вместе с другими женщинами. Некоторые, как она сама и ее подруга Джанкай Турай, несли на спине новорожденных. И все тащили большие свертки прямо на голове. Женщины направлялись к долбленым каноэ на берегу деревенского болонга, одного из множества небольших, извилистых каналов, устремлявшихся от реки Гамбия в глубь суши. Здешняя речка называлась Камби Болонго. Каноэ заскользили по водной глади, в каждом сидели пять-шесть женщин. Они гребли короткими, широкими веслами. Каждый раз, когда Бинта наклонялась вперед, чтобы сделать очередной гребок, она чувствовала, как прижимается к спине теплое тельце Кунты.

Воздух был напоен тяжелыми, мускусными ароматами мангров, густо растущих по обоим берегам болонга. Проплывающие каноэ напугали павианов. Проснувшись, они с громкими криками принялись скакать по деревьям, сотрясая пальмовые листья. Дикие свиньи с визгом и фырканьем скрылись среди трав и кустов. Вдоль илистых берегов нашли себе приют тысячи пеликанов, журавлей,

цапель, аистов, чаек, крачек и колпиц. Все они оторвались от утренней трапезы и нервно посматривали на скользящие по воде каноэ. Мелкие птицы взмыли в воздух – горлицы, водорезы, пастушки, змеешейки и зимородки. Они с криками кружили над водой, пока потревожившие их люди не скрылись вдали.

Каноэ скользили по волнистой поверхности канала, а внизу серебристые мальки сбивались в стайки, выпрыгивали из воды и плюхались обратно. За мальками охотились крупные хищные рыбы. Порой они были так голодны, что прыгали прямо на плывущие каноэ. Тогда женщины били их веслами и забирали с собой – для сытного вечернего ужина. Но в то утро мальки плавали вокруг каноэ совершенно спокойно.

Извилистый болонг привел каноэ к повороту, за которым начинался более широкий приток. Как только появились лодки, раздалось громкое хлопанье крыльев и в небо взмыл гигантский живой ковер – сотни тысяч птиц всех цветов радуги. Поверхность воды потемнела – птицы закрыли солнце, а с их крыльев посыпались перья. Женщины продолжали свой путь на рисовые поля.

Вблизи от болотистых фаро[7 - Участок земли, надел.], где многие поколения женщин Джуффуре выращивали рис, каноэ врезались в гудящие облака москитов. Затем лодки одна за другой стали пробираться на свои участки, разделенные изгородями из плотно сплетенных водных растений. Такие изгороди отделяли участок каждой семьи. Изумрудные побеги молодого риса уже на ладонь возвышались над поверхностью воды.

Поскольку размеры наделов каждый год определялись советом старейшин Джуффуре в соответствии с количеством ртов в семье, участок Бинты пока еще был небольшим. Осторожно балансируя, Бинта сошла с лодки, придерживая ребенка на спине. Она сделала несколько шагов и замерла в изумлении при виде крохотной бамбуковой хижины на сваях, крытой соломой. Пока она рожала, Оморо пришел сюда и построил убежище для их сына. Как истинный мужчина ей он ничего не сказал. Бинта покормила сына, устроила его в хижине поудобнее, переоделась в рабочую одежду из свертка, который несла на голове, и отправилась работать. Низко нагнувшись, она выискивала в воде корни молодых сорняков – если не прополоть рис, сорняки быстро вытянутся и заглушат посадки. Услышав плач Кунты, Бинта распрямлялась, стряхивала воду и шла кормить и укачивать малыша в его уютном убежище.

Маленький Кунта каждый день купался в материнской нежности. Вечером Бинта возвращалась домой, готовила для Оморо ужин, а потом ухаживала за малышом. Чтобы кожа его была мягкой и нежной, она смазывала Кунту с головы до ног маслом дерева ши, а потом (чаще всего) брала на руки и с гордостью шагала через всю деревню к хижине бабушки Яйсы, где малышу доставалось еще больше ласк и поцелуев. Кунта начинал раздраженно хныкать, когда женщины давили на его маленькую головку, носик, уши и губы, чтобы правильно их сформировать.

Иногда Оморо забирал сына у женщин и уносил в собственную хижину – мужья в Джуффуре всегда жили отдельно от жен. Там он позволял ребенку рассматривать и ощупывать интереснейшие предметы – амулеты-сафи, которые висели в изголовье постели Оморо и отгоняли злых духов. Маленького Кунту привлекало все яркое – особенно кожаная охотничья сумка отца, сплошь покрытая раковинами каури. Оморо получал по раковине за каждое убитое животное, принесенное им в деревню. Кунта радостно ворковал над длинным изогнутым луком и связкой стрел, висящей рядом. Когда маленькая ручка тянулась вперед и хваталась за темное тонкое копье, гладкое и блестящее от частого использования, Оморо улыбался. Он позволял Кунте трогать все, кроме молитвенного коврика – коврик был священен. Когда отец и сын оставались в хижине вдвоем, Оморо рассказывал Кунте о великих и смелых деяниях, которые тот непременно совершит, став взрослым.

А потом Оморо возвращал Кунту в хижину Бинты, чтобы она покормила его. В общем, Кунта почти всегда был совершенно счастлив. Засыпал он или на коленях матери, или в своей кроватке. Бинта наклонялась над ним и пела ему колыбельную:

Веселый мой сынок,

Получивший имя достойного предка,

Однажды станешь ты

Великим охотником или воином,

И папа будет гордиться тобой,

Но я навсегда запомню тебя таким.

Как бы ни любила Бинта мужа и сына, она не могла избавиться от тревоги: по древнему обычаю мужья-мусульмане часто выбирали себе вторых жен, пока первые кормили младенцев. Пока что Оморо не взял себе другой жены. Бинта не хотела его искушать. Она чувствовала: чем скорее Кунта научится ходить, тем лучше, потому что тогда вскармливание закончится.

Поэтому через тринадцать лун[8 - Месяцев.], как только Кунта начал делать первые неуверенные шаги, Бинта сразу же стала помогать малышу. И очень скоро Кунта начал ходить сам, держась за материнскую руку. Оморо был страшно горд, а Бинта вздохнула с облегчением. Когда Кунта, проголодавшись, начинал плакать, она давала ему не грудь, а маленькую бутыль из тыквы с коровьим молоком, да еще как следует шлепала.

Глава 3

Трижды пролился дождь, и наступило голодное время. Запасы зерна и других сухих продуктов, запасенных со времени последнего урожая, подходили к концу. Мужчины отправились на охоту, но вернулись лишь с несколькими мелкими антилопами, газелью и ослабевшими птицами – в этот сезон солнце палило так безжалостно, что многие источники в саванне пересохли, и крупная дичь перебралась подальше в лес. А ведь именно в это время жителям Джуффуре так нужны были силы для посадки растений для нового урожая. Жены старались растянуть оставшиеся запасы кускуса и риса, разбавляя кашу пресными семенами бамбука и противными на вкус сушеными листьями баобабов. Голодные дни наступили так быстро, что пришлось принести в жертву пять коз и двух волов (больше, чем в прошлый раз) в надежде на то, что Аллах услышит молитвы жителей деревни и спасет их от голода.

Наконец, на раскаленном небе появились тучи, легкий ветерок окреп, а потом, как всегда, неожиданно начались небольшие дожди. Они были теплыми и нежными. Мужчины с мотыгами вышли в поле и сделали в смягчившейся земле длинные, ровные борозды, ожидавшие семян. Мужчины знали, что растения нужно посадить до начала сильных дождей.

Следующие несколько дней женщины не отправлялись на рисовые поля. Каждое утро после завтрака, надев традиционные костюмы из крупных свежих листьев,

символизирующие рост и плодородие, они выходили на вспаханные поля. Их голоса, то взмывающие к небу, то почти стихающие, были слышны издалека. Женщины пели молитвы предков, удерживая на голове глиняные горшки с семенами кускуса, земляными орехами и другими культурами. Они просили Аллаха даровать крепкие корни семенам и богатый урожай.

Ступая босыми ногами след в след, женщины с пением трижды обходили каждое поле. Затем они разделялись, и каждая отправлялась к своему мужчине. Мужчина шел вдоль борозды, делая в ней углубления большим пальцем ноги, а женщина сажала семена и присыпала землей своим большим пальцем. Женщины трудились еще больше мужчин: они не только помогали мужьям, но и работали на собственных рисовых полях и огородах, устроенных возле кухонь.

Пока Бинта сажала лук, ямс, тыкву, маниок и горькие томаты, маленький Кунта играл под бдительным присмотром нескольких старых женщин. Бабушки приглядывали за всеми детьми Джуффуре первого кафо[9 - Кафо – возрастные группы в племени мандинго. К первому кафо относятся дети в возрасте до 5 лет, ко второму кафо – от 5 до 10 лет, и т. д.], даже за теми, кому не было пяти дождей. Мальчики и девочки бегали голыми, как детеныши животных. Некоторые только что начали произносить первые слова. Все, как и Кунта, росли быстро, смеялись и визжали, бегая друг за другом вокруг огромного баобаба, играли в прятки, гоняли собак и кур так, что шерсть и перья летели во все стороны.

Но все дети – даже такие малыши, как Кунта – мгновенно смолкали и успокаивались, как только какая-нибудь из бабушек обещала рассказать сказку. Хотя Кунта не понимал смысла многих слов, он широко раскрытыми глазами следил за рассказчицами, сопровождавшими свои речи жестами и звуками, чтобы дети почувствовали себя в сказке.

Хотя Кунта был еще совсем мал, многие сказки ему уже были знакомы – их рассказывала бабушка Яйса, когда он приходил в ее хижину. Но и он, и его товарищи по играм из первого кафо знали, что лучше всех рассказывает сказки таинственная и странная старая Ньо Бото. Лысая, морщинистая, черная, как закопченное дно горшка, с длинными корнями лимонного сорго[10 - Лимонное сорго, или лемонграсс – высокое многолетнее травянистое растение, в странах Африки часто используется как приправа к чаю.], свисающими изо рта, словно усы насекомого, почти беззубая (несколько оставшихся у нее зубов приобрели темно-оранжевый цвет от бесчисленных орехов кола, которые она любила

сосать), старая Ньо Бото с ворчанием усаживалась на свой низкий стул. Хотя выглядела она сердитой и суровой, дети знали, что Ньо Бото любит их так, словно они – ее собственные. Впрочем, она им так и говорила.

Дети окружали ее, и Ньо Бото ворчливо начинала:

– Расскажу-ка я вам сказку…

– Расскажи! Расскажи! – хором кричали дети, подпрыгивая от радости.

И она начинала – так же, как начинали все сказители мандинго:

– Давным-давно в одной деревне жил один человек…

Это был маленький мальчик, примерно такого же возраста, как и дети Джуффуре. И вот отправился он на берег реки и увидел, что в сети запутался крокодил.

– Помоги мне! – взмолился крокодил.

– Но ты же убьешь меня! – ответил мальчик.

– Нет! – пообещал крокодил. – Подойди ближе!

Мальчик подошел к крокодилу – и тот сразу же схватил его своими острыми зубами.

– Так-то ты платишь за мою доброту – злом? – заплакал мальчик.

– Ну разумеется, – ответил крокодил, не разжимая зубов. – Так устроен мир.

Мальчик не поверил ему, и крокодил согласился не есть его сразу же, не выслушав мнения трех существ, которые будут проходить мимо. Первым оказался старый осел.

Мальчик спросил, что он думает, и осел ответил:

– Я состарился и больше не могу работать. Хозяин выгнал меня на съедение леопардам!

– Вот видишь! – сказал крокодил.

Следом проходила старая лошадь. Она сказала им то же самое.

– Видишь! – обрадовался крокодил.

А затем появился упитанный кролик.

– Нет, я не могу высказать свое суждение, не узнав, как все происходило с самого начала.

Крокодил с ворчанием раскрыл пасть, чтобы все рассказать, – и мальчик, освободившись, выскочил на берег.

– Ты любишь крокодилье мясо? – спросил кролик.

– Да, – ответил мальчик.

– А твои родители?

– Да…

– Ну так вот вам крокодил, из которого можно приготовить отличное жаркое.

Мальчик побежал в деревню и вернулся с мужчинами, которые помогли ему убить крокодила. Но вместе с мужчинами прибежала и собака-вуоло. Она догнала кролика и убила его.

– Так что крокодил был прав, – завершила свой рассказ Ньо Бото. – Мир действительно устроен так, что за добро часто платят злом. Для того-то я и рассказала вам эту сказку.

– Благословенна будь! Пусть будут у тебя силы и счастье! – хором ответили дети.

А потом появились другие бабушки с мисками жареных жуков и кузнечиков. В иное время года это было бы лишь легкой закуской, но сейчас, накануне сильных дождей, когда уже началось голодное время, жареные насекомые считались обедом – в большинстве семей оставалось лишь несколько горстей кускуса и риса.

Глава 4

Освежающие короткие дожди теперь шли почти каждое утро. Когда небо прояснялось, Кунта и его товарищи выскакивали на улицу.

– Моя! Моя! – кричали они, указывая на радугу, упиравшуюся в землю совсем рядом.

Но вместе с дождями появились и тучи летающих насекомых, которые жалили так больно, что дети тут же скрывались в хижинах.

А потом одним поздним вечером неожиданно начались большие дожди. Люди сидели в своих холодных хижинах, прислушиваясь, как вода стекает по соломенным крышам, со страхом глядя на вспышки молний и успокаивая детей, которые дрожали при раскатах грома. Когда дождь немного стихал, в ночи раздавался лай шакалов, завывание гиен и кваканье лягушек.

Дождь шел и на следующую ночь, и на следующую, и на следующую – только ночью. Берега реки и поля превратились в непролазное болото, а деревня – в грязную лужу. Но каждое утро до завтрака все мужчины пробирались по грязи в маленькую мечеть Джуффуре и молили Аллаха послать им больше дождя, потому что сама жизнь людей зависела от того, насколько сильно промокнет земля до прихода жары. Жара иссушит посевы, если корни ростков не смогут добраться до накопившейся в почве влаги.

Старухи и дети собирались в детской хижине, сырой и плохо освещенной. Единственным обогревом были сухие палки и лепешки навоза, которые сжигали

в плоском очаге прямо на земляном полу. Старая Ньо Бота рассказывала детям о страшных временах, когда сильных дождей не хватало. Как бы ужасно ни было на улице, Ньо Бото всегда могла припомнить время, когда было еще хуже. Она рассказывала детям, как после двух дней сильных дождей снова началась жара. Люди молились Аллаху изо всех сил, плясали танец дождя, каждый день приносили в жертву двух коз и вола, но все растущее на земле начало засыхать и умирать. Пересохли даже лесные источники, и к деревенскому колодцу потянулись сначала птицы, а потом лесные животные, умирающие от жажды. На кристально-чистом небе каждую ночь зажигались тысячи ярких звезд, дул холодный ветер, а люди начинали болеть. Всем было ясно: в Джуффуре пришли злые духи.

Все, кто мог, продолжали молиться и танцевать. Наконец, в жертву были принесены последние козы и волы. Казалось, что Аллах отвернулся от Джуффуре. Старые, слабые и больные начали умирать. Многие покинули деревню и отправились в другие места, чтобы стать рабами у тех, у кого была еда. Люди готовы были на все ради пропитания. Оставшиеся же окончательно пали духом и просто лежали в своих хижинах. И тогда, говорила Ньо Бото, Аллах направил в голодающую деревню Джуффуре марабута[11 - Мусульманский праведник, паломник.] Каирабу Кунту Кинте. Увидев страдания людей, он опустился на колени и стал молиться Аллаху. Он молился целых пять дней, не прерываясь на сон и время от времени делая лишь несколько глотков воды. И вечером пятого дня пошел сильный дождь – настоящее наводнение. Этот дождь спас Джуффуре.

Когда Ньо Бото умолкла, дети с уважением посмотрели на Кунту, который носил имя столь достойного предка, мужа бабушки Яйсы. Кунта и раньше замечал, как родители других детей относятся к Яйсе. Он чувствовал, что его бабушка – очень важный человек, такой же, как старая Ньо Бото.

Сильные дожди продолжали идти каждую ночь. Кунта и другие дети стали замечать, что взрослые ходят по деревне по щиколотку в грязи, а порой и по колено. А потом они стали плавать на лодках, чтобы добраться до нужного места. Кунта слышал, как Бинта говорила Оморо, что рисовые поля полностью залило водой болонга. Замерзшие и голодные отцы детей почти каждый день жертвовали Аллаху драгоценных коз и волов, латали текущие крыши, укрепляли поплывшие хижины – и молились о том, чтобы погибающий рис и кускус дожили до урожая.

Но Кунта и другие дети были еще слишком малы. Они не думали о голоде, им нравилось играть в грязи, бороться друг с другом и скользить прямо на голых ягодицах. Но все мечтали снова увидеть солнце. Дети махали серому небу и кричали – точно так же, как их родители:

– Солнце, свети! И я убью для тебя козу!

Животворный дождь даровал новую жизнь всему вокруг. Повсюду пели птицы. Деревья и растения покрылись ароматными цветами. Красновато-коричневая грязь, хлюпающая под ногами, каждое утро покрывалась ковром ярких лепестков и зеленых листьев, сбитых ночным дождем. Но пышность расцветающей природы не спасала жителей Джуффуре. Урожай еще не созрел и был не пригоден для еды. Взрослые и дети с жадностью смотрели на тысячи крупных манго и аллигаторовых груш, под весом которых сгибались ветви. Но зеленые плоды были твердыми, как камни, а у тех, кто пытался их попробовать, сводило живот и начиналась рвота.

– Кожа да кости! – восклицала бабушка Яйса, прищелкивая языком каждый раз, когда видела Кунту.

Но и сама бабушка была такой же худой, как мальчик. Все кладовые Джуффуре почти опустели. Тех немногих коз, коров и кур, которых не съели и не принесли в жертву, нужно было беречь – и кормить! – чтобы в следующем году появились телята, козлята и цыплята. В пищу людей пошли грызуны, коренья и листья. Сборы начинались на восходе и заканчивались с закатом.

Мужчины отправлялись в леса за дичью, как часто делали в другое время года, но теперь им не хватало сил, чтобы дотащить добычу до деревни. Табу запрещало мандинго есть павианов, которые водились вокруг в изобилии. Не могли они касаться и птичьих яиц, и миллионов больших зеленых лягушек-быков, которые считались ядовитыми. Жители Джуффуре были правоверными мусульманами, и они лучше умерли бы, чем прикоснулись к плоти диких свиней, которые целыми стадами бродили прямо по деревне.

На верхних ветвях большого капока издавна селились журавли. Когда выводились птенцы, взрослые журавли сновали туда и сюда, принося им рыбу, пойманную в болонге. Выждав подходящий момент, старухи и дети бежали под дерево, начинали кричать и кидать вверх небольшие палки и камни. Из-за этого

шума и суеты птенцы не успевали подхватить рыбу, и она падала прямо на землю. Дети дрались из-за добычи, и у какой-то семьи появлялся ужин. Если кто-то оказывался особо метким, то камень попадал прямо в неловкого, покрытого пухом молодого журавля, и тот замертво падал на землю вместе с рыбой. Тогда несколько семей могли вечером полакомиться журавлиным супом. Но такое случалось очень редко.

Поздним вечером семьи собирались в своих хижинах. Каждый приносил то, что удалось найти, – иногда попадался крот или горсть крупных личинок. Из всего этого готовили суп, щедро приправленный перцем и специями, чтобы улучшить вкус. Но подобная еда наполняла желудок, не принося ничего полезного. И тогда люди Джуффуре начали умирать.

Глава 5

Все чаще над деревней раздавался громкий женский вой. Счастливы были те, чьи дети были еще слишком малы, чтобы понимать. Даже Кунта уже понимал, что вой означает смерть кого-то из близких и любимых. Среди дня с полей стали привозить мужчин, отправлявшихся туда пропалывать посевы. Они лежали очень тихо и неподвижно.

Начались болезни. Ноги взрослых отекали и раздувались. У многих началась лихорадка – их то бросало в пот, то трясло от озноба. У детей на руках и ногах появлялись пятна. Пятна эти быстро увеличивались, раздувались и начинали мучительно ныть. Потом вздувшееся пятно лопалось, выпуская красноватую жидкость, которая сразу же превращалась в густой, желтый, вонючий гной, привлекавший мух.

Такая большая открытая язва появилась на ноге Кунты. Как-то раз он попытался побежать, но споткнулся и упал. Дети с изумленными криками подняли его. Лоб его заливала кровь. Поскольку Бинта и Оморо были в поле, дети притащили Кунту к бабушке Яйсе. Бабушка уже несколько дней не появлялась в детской хижине.

Она была очень слаба. Черное лицо ее пожелтело и отекло. Она лежала на бамбуковой лежанке, укрывшись воловьей шкурой, и обливалась потом. Но,

увидев Кунту, она поднялась и стала вытирать его залитый кровью лоб. Бабушка крепко обняла мальчика и велела другим детям побежать и принести ей муравьев келелалу. Когда дети вернулись, бабушка Яйса свела вместе края раны и стала прижимать сопротивляющихся муравьев к ней одного за другим. Как только муравьи вцеплялись своими острыми жвалами в плоть, бабушка быстро отрывала им тельца, оставляя головы на месте, пока вся рана не была зашита.

Отпустив детей, бабушка велела Кунте лечь рядом с ней. Он лег и стал прислушиваться к ее тяжелому дыханию. Какое-то время бабушка молчала, а потом указала рукой на стопку книг на полке рядом с постелью. Медленно и тихо она стала рассказывать Кунте про его деда – эти книги когда-то принадлежали ему.

В родной Мавритании Каираба Кунта Кинте прожил тридцать пять дождей, прежде чем его учитель, великий марабут, дал ему благословение, которое и его сделало марабутом. Дед Кунты продолжил семейную традицию, которая уходила корнями за сотни дождей в Древнее Мали. Как мужчина четвертого кафо, он упросил старого марабута принять его в ученики и пятнадцать дождей странствовал вместе с ним, его женами, рабами, учениками, скотом и козами, переходя из деревни в деревню, служа Аллаху и его подданным. Под жарким солнцем и холодными дождями они брели по пыльным дорогам и грязным ручьям, зеленым долинам и равнинам, где гулял ветер. Они шли на юг от Мавритании.

Пройдя посвящение, Каираба Кунта Кинте много лун странствовал в одиночестве по всему Древнему Мали. Он побывал в Кейле, Джиле, Кангабе и Тимбукту. Он скромно простирался на земле перед великими святыми стариками и просил их благословения. И все благословляли его. А потом Аллах направил стопы молодого марабута на юг, в Гамбию, где он сначала остановился в деревне Пакали Н’Динг.

Очень скоро жители деревни поняли, что этого человека послал им сам Аллах – столь быстро молитвы его приносили плоды. Тамтамы разнесли известие по округе, и вскоре другие деревни попытались переманить его. К нему присылали гонцов с предложениями юных дев в жены, рабов, скота и коз. И вскоре он действительно ушел, тогда в деревню Джиффаронг – но лишь потому, что Аллах призвал его, так как жителям Джиффаронга было нечего ему предложить, кроме благодарности за молитвы. Там он узнал о деревне Джуффуре, где люди болели и умирали, потому что давно не было большого дождя. Тогда-то он и

пришел в Джуффуре, где пять дней неустанно молился, пока Аллах не послал большой дождь, который спас деревню.

Узнав о великом деянии деда Кунты, сам царь Барра, который правил этой частью Гамбии, прислал молодому марабуту юную деву в первые жены. Звали ее Сиренг. От Сиренг у Каирабы Кунты Кинте было два сына, и назвал он их Джаннех и Салум.

Бабушка Яйса поднялась на своей бамбуковой лежанке.

– Вот тогда, – сказала она с сияющими глазами, – увидел он Яйсу, танцевавшую серубу! Мне было тогда пятнадцать дождей! – Яйса широко улыбнулась, продемонстрировав беззубый рот. – И ему не понадобился царь, чтобы выбрать другую жену! – Она посмотрела на Кунту: – Это мое чрево подарило ему твоего отца Оморо.

Тем вечером, вернувшись в хижину матери, Кунта долго не мог заснуть. Он думал о том, что рассказала ему бабушка Яйса. Он много раз слышал о своем святом деде, чьи молитвы спасли деревню. Потом Аллах забрал деда к себе. Но до сегодняшнего дня Кунта не понимал, что этот человек был отцом его отца, что Оморо знал его так же, как он сам знает Оморо, что бабушка Яйса была матерью Оморо – точно так же, как Бинта была его матерью. И когда-нибудь он тоже найдет себе женщину, как Бинта, и она родит ему сына. А этот сын…

Кунта повернулся, закрыл глаза и постепенно провалился в сон.

Глава 6

В следующие дни Бинта, вечером возвращаясь с рисового поля, отправляла Кунту к деревенскому колодцу за свежей водой. Вода нужна была для супа – Бинта варила его из того, что удавалось найти. А потом они с Кунтой несли суп через всю деревню бабушке Яйсе. Кунта заметил, что Бинта двигалась медленнее, чем обычно, а живот у нее стал очень большим и тяжелым.

Бабушка Яйса слабо твердила, что скоро ей станет лучше, но Бинта навела в хижине порядок и расставила все по местам. Бабушка поднялась на постели и стала есть суп из миски с голодным хлебом Бинты, приготовленным из желтого порошка, покрывающего сухие черные бобы дикого рожкового дерева.

А потом Кунту среди ночи разбудил отец. Он сильно тряс его за плечо. Бинта лежала на постели и тихо стонала. По хижине быстро двигались Ньо Бото и подруга Бинты, Джанкай Турай. Оморо забрал Кунту в свою хижину. Мальчик ничего не понял, но быстро заснул на отцовской лежанке.

Утром Оморо разбудил Кунту и сказал:

– У тебя появился брат.

Кунта неохотно поднялся, протирая глаза кулаками. Он по-думал, что случилось что-то хорошее, раз его обычно суровый отец так радуется. Днем Кунта со своими приятелями по кафо рыскал по окрестностям в поисках съестного. Ньо Бото позвала его к матери. Бинта казалась очень усталой. Она сидела на краю лежанки, укачивая на коленях младенца. Кунта какое-то время изучал сморщенное черное тельце, потом перевел глаза на улыбающихся женщин. Он заметил, что огромный живот Бинты куда-то делся. Не говоря ни слова, Кунта вышел из хижины и долго стоял на месте. А потом, вместо того чтобы присоединиться к друзьям, уселся за хижиной отца и стал размышлять над увиденным.

Всю следующую неделю Кунта спал в хижине Оморо – и никому не было до этого дела, все занимались только младенцем. Кунта уже стал думать, что матери он больше не нужен – да и отцу тоже… Но вечером восьмого дня Оморо позвал его к материнской хижине. Там уже собрались все жители Джуффуре, кто был в силах. Все хотели услышать, какое имя Оморо выбрал для своего сына. Оморо назвал его Ламином.

В ту ночь Кунта спал хорошо и спокойно – в собственной постели, рядом с матерью и новорожденным братом. Но через несколько дней к Бинте вернулись силы. Приготовив что-нибудь для Оморо и Кунты, она забирала младенца и большую часть дня проводила в хижине бабушки Яйсы. По встревоженным взглядам Бинты и Оморо Кунта понял, что бабушка сильно больна.

Через несколько дней он с приятелями по кафо собирал манго – плоды наконец-то созрели. Потерев жесткую желто-оранжевую кожицу о камень, дети вскрывали плоды и высасывали нежную, сочную мякоть. Они набрали целые корзины аллигаторовых груш и диких орехов кешью. И тут Кунта неожиданно услышал знакомый вой. Вой доносился со стороны бабушкиной хижины. Холодок пробежал у него по спине – это был голос матери, взмывший к небу в смертном плаче, какой он часто слышал в последние недели. К матери присоединились другие женщины, и вскоре выла уже вся деревня. Кунта, не разбирая дороги, кинулся к бабушкиной хижине.

Там царила тревожная суета. Кунта увидел мрачного Оморо и горько плачущую старую Ньо Бото. Через мгновение ударили в барабан тобало, и джалиба стал возвещать о добрых деяниях бабушки Яйсы за долгие годы ее жизни в Джуффуре. Потрясенный Кунта молча смотрел, как молодые незамужние девушки из деревни поднимают пыль с земли взмахами широких опахал, сплетенных из травы, – так велел обычай. Никто не обращал на Кунту внимания.

Когда Бинта, Ньо Бото и две рыдающие женщины вошли в хижину, все упали на колени и склонили голову. Кунта неожиданно заплакал – не только от горя, но и от страха. Пришли мужчины. Они принесли только что срубленное и обтесанное бревно и опустили его перед хижиной. Кунта смотрел, как женщины вынесли из хижины тело его бабушки, закутанное с головы до ног в белое покрывало, и уложили на плоскую поверхность дерева.

Сквозь слезы Кунта видел, как плакальщицы семь раз обошли вокруг Яйсы с молитвами и причитаниями. Алимамо возгласил, что она отправляется в вечность, к Аллаху и своим предкам. Чтобы придать ей силы для дальнего пути, молодые неженатые мужчины разложили вокруг ее тела бычьи рога, наполненные золой.

Когда большая часть плакальщиц ушла, Ньо Бото и другие старухи расположились поблизости. Они причитали и плакали, сжимая виски руками. Вскоре молодые женщины принесли самые большие листья сибоа, какие только смогли найти: под этими листьями старухи могли укрыться от дождя во время своего бдения. Тамтамы несли весть о бабушке Яйсе в ночь.

Туманным утром, как велел обычай предков, мужчины Джуффуре (те, кто еще мог ходить) присоединились к процессии, направлявшейся к месту погребения, – недалеко от деревни, куда никто не ходил. Мандинго уважали и опасались духов

предков. За мужчинами, которые несли на бревне тело бабушки Яйсы, шел Оморо. Он нес маленького Ламина и держал за руку Кунту. Кунта был слишком напуган – он даже не плакал. За ними шли остальные мужчины деревни. Окостеневшее тело, закутанное в белое, опустили в только что вырытую могилу и накрыли толстым ковриком, сплетенным из тростника. Поверх накидали шипастых веток – чтобы гиены не добрались до тела. Потом могилу закидали камнями и насыпали земляной холмик.

Много дней после этого Кунта не мог ни есть, ни спать. Он никуда не ходил со своими друзьями по кафо. Он так горевал, что как-то вечером Оморо забрал его в свою хижину, усадил на лежанку и поговорил с ним гораздо теплее и нежнее, чем обычно. Он постарался облегчить горе сына в меру своих сил.

Оморо сказал, что в каждой деревне живут люди трех видов. Первые – те, кого можно видеть, кто ходит, ест, спит и работает. Вторые – это предки. К ним теперь присоединилась и бабушка Яйса.

– А третьи? – спросил Кунта. – Кто они такие?

– Третьи, – ответил Оморо, – это те, кто должен родиться.

Глава 7

Дожди закончились. Влажный воздух между ярко-синим небом и мокрой землей был напоен ароматами пышных диких цветов и плодов. Ранним утром в деревне раздавался стук пестиков, которыми женщины растирали просо, кускус и земляные орехи – не из основных посевов, а из рано проклюнувшихся семян, упавших в землю при уборке прошлого урожая. Мужчины охотились. Они принесли в деревню отличную упитанную антилопу. После ужина они принялись за чистку и выделку шкуры. А женщины собирали созревшие красноватые ягоды мангкано: они расстилали под кустами ткань и начинали трясти ветви изо всех сил. Собранные ягоды сушили на солнце и толкли, чтобы отделить вкуснейшую муку футо от семян. В деревне ничего не пропадало. Замоченные и сваренные с молотым просом семена превращались в сладковатую утреннюю кашу, которую с удовольствием уплетали Кунта и все остальные. Такая каша вносила приятное разнообразие – кускус всем давно приелся.

С каждым днем еды становилось все больше. Новая жизнь бурлила в Джуффуре – и все это видели и слышали. У мужчин прибавилось сил: они энергичнее ходили на поля и возвращались в деревню, осмотрев свои посевы, которые скоро предстояло убирать. Воды реки на глазах спадали, и женщины каждый день отправлялись выпалывать последние сорняки среди высоких, ровных ростков риса.

Деревня вновь наполнилась смехом и криками – после долгого голодного сезона дети вновь вернулись к играм. Их животы были наполнены питательной едой, язвы затянулись, оставив лишь сухие корочки. Дети играли и носились как сумасшедшие. Как-то раз они поймали больших навозных жуков-скарабеев и устроили для них гонки: нарисовали в пыли большой круг и ждали, какой из жуков выберется из него первым. В другой раз Кунта и его лучший друг Ситафа Силла, живший в соседней хижине, совершили налет на высокий термитник. Они разрушили стенку и наблюдали, как тысячи слепых бескрылых термитов выползают наружу и судорожно пытаются найти укрытие.

Иногда мальчишки пугали земляных белок и загоняли их в кусты. А больше всего им нравилось кидаться камнями и кричать на коричневых длиннохвостых обезьян. Обезьяны и сами могли кинуть камень, прежде чем присоединиться к своим отчаянно вопящим собратьям на верхних ветвях деревьев. Каждый день мальчишки боролись, хватали друг друга, валили на землю, рычали, царапались и вскакивали на ноги, чтобы начать все сначала. Каждый мечтал о том дне, когда он станет лучшим борцом Джуффуре и сможет вести бои с лучшими борцами других деревень во время праздников урожая.

Взрослые, проходившие мимо детей, притворялись, что ничего не видят и не слышат, хотя Ситафа, Кунта и остальные члены кафо рычали, как настоящие львы, трубили, словно слоны, и визжали, как дикие свиньи. Девочки готовили, играли в куклы, толкли кускус. Они готовились к роли матерей и жен. Но сколь бы увлекательными ни были игры, дети никогда не забывали проявлять уважение к взрослым – матери научили их с почтением относиться к старшим. Вежливо глядя взрослым в глаза, дети спрашивали:

– Керабе? (Мир ли у вас?)

А взрослые отвечали:

– Кера доронг. (Только мир.)

Если же взрослый протягивал руку, каждый ребенок хватал ее обеими руками, а потом стоял со сложенными у груди ладонями, пока взрослый не проходил мимо.

Дома Кунту воспитывали в строгости, и ему казалось, что любое его движение раздражает Бинту. Она резко щелкала пальцами, а порой попросту хватала сына и задавала ему трепку. За едой Кунта частенько получал подзатыльники, если Бинта замечала, что он смотрит не в свою миску, а куда-то еще. А если, возвращаясь после целого дня игр, он не смывал с себя всю грязь до последнего пятнышка, Бинта хватала свою жесткую мочалку из сушеных стеблей и кусок домашнего мыла и начинала так ожесточенно тереть сына, что едва не слезала вся кожа.

Стоило Кунте посмотреть на мать, отца или другого взрослого, он тут же получал шлепок – словно совершил какой-то серьезный проступок или помешал взрослым вести разговор. Он даже представить не мог, что кому-то можно сказать неправду. Поскольку у него не было причин лгать, он никогда этого и не делал.

Кунта изо всех сил старался быть хорошим мальчиком. Вскоре он начал делиться полученными дома уроками с другими детьми. Когда дети ссорились, а случалось это частенько, когда они начинали оскорблять друг друга и щелкать пальцами, Кунта всегда отворачивался и уходил, сохраняя достоинство и самообладание: мать говорила, что это самые почитаемые качества племени мандинго.

Но почти каждый вечер Кунту пороли за то, что он обижал младшего брата – пугал его страшным рычанием, вставал на четвереньки, словно павиан, закатывал глаза и начинал колотить кулаками по земле.

– Я сейчас приведу тубоба![12 - Белый человек.] – кричала Бинта, когда Кунта доводил ее до крайности.

И это страшно пугало Кунту, потому что бабушка часто рассказывала ему о волосатых, краснолицых белых чужаках, которые приплывали на больших лодках и уводили людей из их домов.

Глава 8

Хотя к закату Кунта и его приятели успевали утомиться и проголодаться, они все же наперегонки бежали к небольшим деревьям, забирались на них и указывали на садящийся малиновый шар.

– Завтра будет еще красивее! – кричали они.

И даже взрослые жители Джуффуре старались поужинать побыстрее, чтобы успеть выйти на улицу и встретить восходящую луну, символ Аллаха, криками, хлопаньем в ладоши и ударами в барабаны.

Но когда тучи скрывали молодую луну, как в эту ночь, жители встревоженно расходились, а мужчины отправлялись в мечеть молиться о прощении, поскольку такое предзнаменование говорило о недовольстве небесных духов. После молитвы мужчины вели своих напуганных домашних к баобабу, где джалиба уже сидел на корточках возле маленького костра, нагревая кожу на своем тамтаме.

Потирая глаза, слезящиеся от дыма костра, Кунта вспоминал, как будили его среди ночи тамтамы других деревень. Проснувшись, он лежал, вслушиваясь изо всех сил; звуки и ритмы были подобны речи, и со временем он научился понимать некоторые слова. Тамтамы сообщали о голоде, чуме, набегах, сожжении деревень, убийствах и похищениях.

На ветке баобаба за спиной джалибы висела козья шкура, испещренная знаками арабской вязи, нанесенными на нее арафангом. В мерцающем огне костра Кунта смотрел, как джалиба начинает быстро и резко бить искривленными узловатыми палочками по поверхности барабана, ударяя в разные точки. Он обращался к ближайшему шаману, чтобы тот поспешил в Джуффуре и изгнал злых духов.

Стараясь не смотреть на луну, люди разошлись по домам и со страхом улеглись спать. Но в ночи продолжали звучать далекие барабаны, вторившие просьбе Джуффуре. Дрожа под своей шкурой, Кунта думал, что в других деревнях луна тоже скрылась за тучами.

На следующий день ровесникам Оморо пришлось помогать юношам, охранявшим поля от стай голодных павианов и птиц. Мальчики второго кафо должны были бдительно следить за козами, а матери и бабушки – тщательно приглядывать за малышами и младенцами. Самым крупным детям из первого кафо, в том числе Кунте и Ситафе, велели не отходить далеко от ограды деревни и ждать приближения незнакомцев, наблюдая за окрестностями с высокого дерева, росшего неподалеку. Дети так и поступили, но в тот день никто не появился.

Он пришел на второе утро – глубокий старик, опиравшийся на деревянный посох, с увесистым свертком на лысой голове. Заметив его, дети с криками бросились к воротам деревни. Старая Ньо вскочила на ноги и заковыляла к большому барабану тобало, чтобы мужчины поспешили в деревню с полей, прежде чем колдун достигнет ворот и войдет в Джуффуре.

Жители деревни столпились вокруг колдуна, а он направился к баобабу и осторожно опустил свой сверток на землю. Резко опустившись на корточки, он вытряхнул из сморщенного кожаного мешка кучу высушенных предметов – небольшую змею, челюсть гиены, обезьяньи зубы, крыло пеликана, лапы разных птиц и странные коренья. Оглянувшись вокруг, колдун раздраженно махнул рукой, чтобы ему дали больше места, и вдруг задрожал – всем стало ясно, что злые духи Джуффуре накинулись на него.

Тело колдуна изогнулось, лицо исказилось, глаза закатились. Трясущимися руками он пытался направить непослушный посох к груде таинственных предметов. Когда же после огромных усилий кончик посоха наконец-то коснулся кучи, колдун отшатнулся и упал, словно пораженный молнией. Люди ахнули. Но потом колдун начал медленно оживать. Злые духи покинули деревню. Колдун с трудом поднялся на колени. Все взрослые – измученные, но вздохнувшие с облегчением – побежали по домам, чтобы принести для него дары. Колдун все сложил в свой сверток, который и без того был велик и тяжел, ведь он успел побывать и в других местах, и зашагал к следующей деревне. Аллах снова спас Джуффуре.

Глава 9

Прошло двенадцать лун, и большие дожди снова закончились. В Гамбии начался сезон странников. По сети троп, соединявших разные деревни, бродили путешественники. Кто-то проходил мимо, а кто-то заглядывал в Джуффуре. Кунта и его товарищи почти каждый день несли вахту. Сообщив жителям деревни о приближении чужестранцев, мальчишки неслись обратно, чтобы встретить каждого гостя прямо возле своего дерева. Они провожали чужака в деревню, болтая между собой и выискивая любые признаки, которые позволили бы определить его цель или род занятий. Если им это удавалось, они тут же бросали чужака и неслись предупредить взрослых, собравшихся в хижине гостеприимства. В соответствии с древним обычаем каждый день для встречи гостей выбиралась определенная семья. Семья эта должна была предоставить странникам пищу и кров, сколько бы они ни захотели остаться в деревне, прежде чем продолжить свой путь.

Когда Кунте, Ситафе и другим мальчишкам из их кафо поручили следить за приближением незнакомцев, они почувствовали себя взрослыми, гораздо старше своих сверстников. Теперь каждое утро после завтрака они собирались в школьном дворе арафанга, опускались на колени и слушали, как он учит старших мальчиков по пять-девять дождей, из второго кафо, чуть старше Кунты. Арафанг учил их читать Коран и писать палочкой или пером, окуная его в черную тушь, приготовленную из сока померанца, смешанного с молотой сажей со дна горшков.

Ученики заканчивали уроки и разбегались – полы их длинных рубах-дундико развевались в воздухе. Теперь им предстояло гнать деревенских коз на пастбище. Кунта и его товарищи изо всех сил старались делать вид, что им все равно, но в действительности они страшно завидовали длинным одеяниям старших мальчиков и их важной работе. Хоть Кунта ничего и не говорил, но и он сам, и другие мальчишки считали себя слишком взрослыми, чтобы с ними можно было обращаться, как с детьми, и заставлять их ходить нагишом. Они сторонились малышей, таких как Ламин, словно те были заразными, и считали их недостойными своего внимания – разве что подзатыльник им дать, когда взрослые не видят. Мальчишки сторонились даже старух, которые заботились о них с самого рождения. Кунта, Ситафа и другие старались крутиться вокруг взрослых в надежде, что их заметят и, может быть, дадут какое-то поручение.

Незадолго до сбора урожая Оморо за ужином словно невзначай сказал Кунте, что хочет взять его на следующий день охранять поле. Кунта пришел в такой восторг, что всю ночь не спал. Завтрак он проглотил в мгновение ока. Когда

Оморо вручил ему свою мотыгу и они вместе зашагали к полям, его переполняла радость и гордость. Кунта и его приятели бегали вдоль посадок, кричали и кидали палки в диких свиней и павианов, которые так и норовили подрыть куст или сожрать земляные орехи. Комьями грязи и свистом мальчишки распугивали стаи дроздов, низко летающих над полями кускуса. Все помнили рассказы старух: дрозды могли уничтожить урожай еще быстрее любых зверей. Дети собирали пригоршни кускуса и земляных орехов, которые их отцы срезали или вытаскивали, чтобы проверить спелость, приносили мужчинам холодную воду. Они работали целый день и были страшно горды собой.

Через шесть дней по благословению Аллаха можно было приступать к уборке урожая. После рассветной молитвы суба отцы с сыновьями отправились на поля. Некоторым мальчишкам даже посчастливилось тащить небольшой тамтам и барабаны соураба. На поле мужчины остановились, склонили головы и стали прислушиваться. Наконец раздался гул большого барабана тобало, и мужчины приступили к уборке урожая. Между ними ходили джалиба и другие барабанщики. Они отбивали ритм, чтобы мужчинам было легче работать. Все запели. От возбуждения некоторые мужчины подбрасывали мотыгу на одном ударе барабана, чтобы ловко поймать ее на следующем.

Мальчишки из кафо Кунты трудились рядом с отцами. Они отряхивали выдернутые кусты земляных орехов от земли. Через какое-то время работники устроили перерыв, а в полдень раздались радостные крики: это женщины с девочками принесли мужчинам обед. Они шли цепочкой, распевая песни урожая и держа горшки на головах. На поле они разлили содержимое по калабашам и подали их барабанщикам и работникам. Работа продолжалась до вечернего удара тобало.

В конце первого дня на полях выросли стога урожая. Покрытые потом и грязью мужчины поспешили к ближайшему ручью. Они разделись и со смехом и криками прыгнули прямо в воду, чтобы охладиться и смыть грязь. А потом они отправились домой, отмахиваясь от назойливых мух, круживших над их блестящими телами. Чем ближе они подходили, тем сильнее становился запах дыма от женских кухонь и восхитительнее аромат жареного мяса, которое в дни уборки урожая следовало подавать трижды в день.

Тем вечером, наевшись, Кунта заметил (он замечал это уже несколько вечеров), что мать что-то шьет. Она ничего не говорила, и мальчик не спрашивал. Но на следующее утро, когда он подхватил мотыгу и направился к двери, Бинта

посмотрела на него и ворчливо спросила:

– Ты почему не оделся?

Кунта резко повернулся. На сучке на стене висела новая рубаха-дундико. Стараясь скрыть свой восторг, он спокойно натянул рубаху и вышел за дверь, а там уже припустился во весь опор. Другие мальчишки уже были во дворе – и все, как и он, впервые в жизни получили одежду. Мальчишки прыгали, кричали и смеялись, потому что наконец-то смогли прикрыть свою наготу. Теперь они официально перешли во второй кафо. Они стали мужчинами.

Глава 10

К вечеру, когда пришло время возвращаться в материнскую хижину, Кунта постарался сделать так, чтобы все в Джуффуре увидели его в новом дундико. Хоть мальчик и работал целый день, он совершенно не устал. Кунта точно знал, что не сможет заснуть в обычное время. Раз уж он теперь взрослый, то Бинта наверняка позволит ему посидеть подольше. Но как только Ламин заснул, мать отправила его в постель в обычное время, напомнив, чтобы он повесил свое дундико.

Кунта надулся от обиды и повернулся, чтобы уйти. Но тут Бинта окликнула его – мальчик решил, что сейчас его отругают за проявление обиды. А может быть, мама пожалела его и изменила свое решение?

– Отец хочет видеть тебя утром, – спокойно сказала Бинта.

Кунта понял, что расспрашивать ее бессмысленно, поэтому просто ответил:

– Хорошо, мама, – и пожелал ей спокойной ночи.

Кунта совершенно не устал, и спать ему не хотелось. Он лежал под коровьей шкурой, гадая, в чем провинился, поскольку наказывали его очень часто. Но сколько он ни думал, ему никак не удавалось припомнить ничего настолько ужасного, из-за чего Бинта не стала бы наказывать его сама, а перепоручила это

отцу. Ведь отец вмешивался только по самым серьезным поводам. В конце концов Кунте это надоело, и он заснул.

За завтраком Кунта был так подавлен, что почти забыл о своей новой дундико. Но тут голенький Ламин потянулся к висевшей на стене рубахе, и Кунта замахнулся, чтобы дать ему подзатыльник. Он вовремя заметил предостерегающий взгляд Бинты и опустил руку. Поев, Кунта немного послонялся по хижине, надеясь, что Бинта что-нибудь скажет, но мать вела себя так, словно вообще ему ничего не говорила. Мальчик неохотно поплелся к выходу и медленно направился к хижине Оморо. У входа он остановился со сложенными руками.

Когда Оморо появился и молча протянул сыну небольшую новую пращу, у Кунты захватило дух. Он стоял и смотрел на пращу, потом перевел взгляд на отца, не зная, что сказать.

– Ты теперь во втором кафо, – сказал Оморо. – Она твоя. Не стреляй по тем, по кому стрелять не следует, и не промахивайся.

– Да, отец, – кивнул Кунта. Язык все еще плохо его слушался.

– И уж поскольку ты теперь во втором кафо, – продолжал Оморо, – тебе пора начинать пасти коз и ходить в школу. Сегодня ты пасешь коз с Тоумани Тоуреем. Старшие мальчики тебя научат. Слушайся их. А завтра утром пойдешь на школьный двор.

Оморо скрылся в своей хижине, а Кунта поспешил к козьим загонам. Ситафа и другие мальчишки из их кафо уже поджидали его. Все они были в рубахах-дундико и с новыми пращами – для тех, у кого отцы умерли, пращи сделали старшие братья или дядья.

Старшие мальчики открыли загоны, и блеющие козы ринулись вперед, стремясь побыстрее оказаться на зеленом пастбище. Увидев Тоумани, первенца пары, с которой Оморо и Бинта были лучшими друзьями, Кунта попытался держаться поближе к нему. Но Тоумани и его приятели уже направили коз на мальчишек, и те с трудом уворачивались от бегущих животных. Но когда хохочущие старшие мальчики с собаками-вуоло погнали коз по пыльной тропе, мальчишки из кафо Кунты неуверенно поплелись за ними, крутя в руках свои пращи и пытаясь

оттереть грязь со своих дундико.

Кунта не раз видел коз, но никогда не сознавал, как быстро они бегут. За пределы деревни он выходил только с отцом. Он никогда еще не уходил так далеко, как сегодня за козами. Козы паслись на обширном пастбище, покрытом низким кустарником и травой. С одной стороны находился лес, с другой – деревенские поля. Старшие мальчики спокойно развели свои стада в разные стороны, а собаки-вуоло бегали вокруг или лежали рядом с козами.

Тоумани наконец-то решил обратить внимание на плетущегося позади Кунту. Но повел себя так, словно перед ним был не мальчик, а какое-то насекомое.

– Ты знаешь цену козы? – спросил он и, прежде чем Кунта успел ответить, добавил: – Если потеряешь хоть одну, отец тебе задаст!

И Тоумани пустился в рассуждения об опасности работы козьего пастуха. Если из-за невнимательности и лени какая-то коза отобьется от стада, могут произойти ужасные вещи. Указывая на лес, Тоумани сказал, что там живут львы и пантеры, которые прячутся в высокой траве, подкрадываются к козам и одним прыжком разрывают им горло.

– А если рядом окажется мальчик, – сказал Тоумани, – он будет повкуснее козы!

С удовлетворением посмотрев в расширенные от страха глаза Кунты, Тоумани продолжил свой рассказ. Страшнее львов и пантер тубоб и его черные помощники. Они крадутся в высокой траве, хватают людей и увозят в далекие места, где съедают их. Тоумани пас коз уже пять дождей, и за это время украли девятерых мальчиков из Джуффуре и еще больше из других деревень. Кунта не знал никого из похищенных, но помнил, какой страх испытал, услышав об этом. Несколько дней он не отходил от материнской хижины дальше чем на пару шагов.

– Но даже за воротами деревни тебе грозит опасность, – сказал Тоумани, словно прочитав его мысли.

Он знал одного мужчину из Джуффуре, который лишился всего, что имел, когда львиный прайд растерзал его коз. А потом его поймали с деньгами тубоба – сразу после исчезновения двух мальчиков из третьего кафо. Мальчики пропали

прямо из своих хижин посреди ночи. Мужчина утверждал, что нашел деньги в лесу, но за день до суда совета старейшин он исчез.

– Ты слишком мал, чтобы помнить об этом, – сказал Тоумани. – Но такое до сих пор случается. Поэтому никогда не отходи от тех, кому можно доверять. А когда будешь пасти своих коз, никогда не позволяй им уходить туда, где тебе придется гоняться за ними по густым кустам – иначе твоя семья может никогда тебя не увидеть.

Кунта стоял и трясся от страха, а Тоумани добавил: даже если большая кошка или тубоб его не достанут, у него все равно будут серьезные неприятности, если коза отобьется от стада, потому что, как только она доберется до поля кускуса или земляных орехов, ее уже не поймаешь. А когда мальчик с собакой погонятся за козой, остальное стадо побежит за беглянкой. Голодные козы могут погубить поле быстрее любых павианов, антилоп или диких свиней.

К полудню, когда Тоумани разделил приготовленный его матерью обед с Кунтой, мальчишки, перешедшие во второй кафо, смотрели на коз, рядом с которыми провели всю жизнь, с гораздо большим почтением. После обеда мальчишки из кафо Тоумани разлеглись под невысокими деревцами, а другие бродили вокруг, стреляя в птиц из новых пращей своих учеников. Кунта и его товарищи во все глаза следили за козами, старшие мальчики выкрикивали поучения и оскорбления и покатывались со смеху, когда младшие с криками и ругательствами бросались к каждой козе, которая просто поднимала голову, чтобы осмотреться. Когда Кунта не бегал за козами, он нервно поглядывал в сторону леса, откуда мог появиться зловещий хищник.

Ближе к вечеру, когда козы наелись травы, Тоумани подозвал Кунту и сурово сказал:

– Ты что, думаешь, я за тебя хворост собирать буду?

Только тогда Кунта вспомнил, что пастухи всегда возвращались по вечерам со связками хвороста для ночных костров в деревне. Поглядывая на коз и одновременно на лес, Кунта и его товарищи принялись бегать вокруг, собирая ветки кустарников и тонкие упавшие сучья, выбирая достаточно сухие. Кунта набрал столько хвороста, что еле смог поднять связку, но Тоумани фыркнул и добавил еще несколько палок. Затем Кунта обвязал палки и сучья гибкой

зеленой лианой. Он сильно сомневался, что сможет поднять связку и дойти с ней до деревни.

Под взглядами старших мальчишек он и его товарищи кое-как взгромоздили свой груз на голову и неуверенной походкой зашагали вслед за козами и собаками-вуоло, которые знали дорогу домой лучше своих новых пастухов. Под презрительными насмешками старших мальчишек Кунта и остальные новички изо всех сил старались удержать равновесие. Появившаяся впереди деревня никогда еще не казалась Кунте такой красивой. Он чувствовал, что вот-вот упадет. Стоило им войти в ворота, как старшие мальчишки начали суетиться, выкрикивая предупреждения и советы. Они прыгали вокруг, чтобы взрослые увидели и услышали, что они выполняют свою работу, а обучение неуклюжего молодняка – это трудное дело. Кунта кое-как доплелся до двора арафанга Бримы Сезея, у которого ему и его кафо предстояло завтра брать первый урок.

На следующий день сразу после завтрака новые пастухи, вооружившись досками для письма из хлопкового дерева, пером и бамбуковой емкостью с сажей, которую предстояло разводить и использовать для письма, потянулись на школьный двор. Арафанг отнесся к ним так, словно они были глупее собственных коз. Он приказал им сесть. Еще не договорив, он принялся хлестать мальчишек гибким прутом – они подчинились приказу не так быстро, как ему хотелось. Арафанг хмуро предупредил, что на его уроках любой, кто произнесет хоть слово, когда его не спрашивают, отведает прута – он сурово погрозил им – и будет отправлен домой к родителям. И то же самое произойдет с каждым, кто опоздает на занятия, которые будут проходить сразу после завтрака и вечером, когда они вернутся с козами с пастбища.

– Вы больше не дети, – сказал арафанг. – У вас есть обязанности. И вы должны их выполнять.

Покончив с вопросами дисциплины, арафанг объявил, что вечерний класс начнется с чтения Корана: он будет читать, а они должны запомнить текст наизусть и произнести вслух, прежде чем перейти к другим вещам. Потом арафанг их отпустил, потому что стали подтягиваться старшие ученики, бывшие пастухи коз. Они нервничали еще сильнее, чем кафо Кунты, потому что им предстоял экзамен по чтению Корана и арабскому письму. По результатам экзамена они должны были перейти в третий кафо.

В тот день впервые в жизни мальчишки из кафо Кунты отправились пасти коз самостоятельно. Они тянулись длинной чередой по пыльной тропе, ведущей к пастбищу. А оказавшись на месте, гонялись за козами и орали каждый раз, как только животные делали несколько шагов к очередной кочке с травой. Впрочем, Кунта измучился еще больше, чем козы. Каждый раз, когда он усаживался, чтобы подумать о смысле таких перемен в его жизни, оказывалось, что нужно что-то делать или куда-то идти. Целый день Кунта пас коз, после завтрака и вечером учился у арафанга, а потом еще учился обращаться с пращой, пока не становилось слишком темно. Судя по всему, больше времени для серьезных раздумий у него не будет.

Глава 11

Уборка кускуса и земляных орехов подошла к концу. Настала очередь риса. Мужчины не помогали женам. Даже мальчишки не помогали матерям – рис был делом сугубо женским. На рассвете Бинта вместе с Джанкай Турай и другими женщинами уже были на полях созревшего риса. Они выдергивали длинные золотистые стебли, которые следовало на несколько дней разложить для просушки на тропинках, прежде чем загрузить в лодки и перевезти в деревню, где женщины вместе с дочерьми складывали свои аккуратные снопы в собственные кладовые. Но даже после уборки риса женщины не могли отдохнуть – им предстояло помогать мужчинам собирать хлопок. Хлопок собирали последним, чтобы он как следует просох под жарким солнцем – тогда из него получались лучшие нити для шитья.

Все с нетерпением ждали ежегодного семидневного праздника сбора урожая. Женщины торопились сшить новую одежду для своих семей. Хотя Кунта понимал, что не следует проявлять раздражения, ему совсем не понравилось, что несколько вечеров пришлось присматривать за болтливым и надоедливым младшим братом, пока Бинта пряла хлопок. Но когда мать взяла его с собой к деревенской ткачихе Дембо Диббе, он снова стал счастлив. Кунта зачарованно смотрел, как ловко она превращает нити на бобинах в полосы ткани с помощью ножного ткацкого станка. Дома Бинта позволила Кунте смешать древесную золу с водой, чтобы получился крепкий щелок, в который она всыпала мелко порезанные листья индиго. Так красили ткань в темно-синий цвет. Все женщины Джуффуре поступали так же. Очень скоро на всех кустах были развешены ткани для просушки, и деревня раскрасилась в яркие цвета – красный, зеленый,

желтый, синий…

Пока женщины пряли и шили, мужчины занимались своими непростыми делами, которые следовало закончить до праздника, – и до того времени, когда выполнять тяжелую работу из-за жары станет невозможно. Высокая бамбуковая ограда деревни кое-где покосилась, где-то ее проломили козы и волы. Нужно было чинить и обмазанные глиной хижины, пострадавшие от сильных дождей. А еще нужно было менять соломенные крыши. Предстояло несколько свадеб, и всем нужны были новые дома. Кунта вместе с другими мальчишками замешивал мокрую глину, которой мужчины обмазывали стены новых хижин.

В ведрах, что доставали из колодца, вода стала мутной. Один из мужчин спустился вниз и обнаружил, что мелкие рыбки, которых запускали в колодец для поедания насекомых, погибли. Было решено вырыть новый колодец. Кунта увидел, как мужчины, копавшие землю, нашли небольшие комки зеленовато-белой глины. Их сразу же отдали женщинам с большими животами, и те с жадностью их съели. Бинта сказала Кунте, что от этой глины кости младенцев будут крепкими.

Предоставленные сами себе Кунта, Ситафа и их приятели большую часть свободного времени слонялись по деревне, изображая из себя охотников и осваивая свои новые пращи. Они стреляли практически по всему – но, к счастью, почти ничего не повредили! Мальчишки производили столько шума, что могли бы напугать целый лес зверей. Даже малыши из кафо Ламина остались почти без внимания, потому что в это время старухи Джуффуре были заняты больше всех остальных: они допоздна плели головные украшения для незамужних девушек к празднику урожая. Из замоченных листьев сизаля и коры баобаба получали длинные волокна, а потом из них плели пучки, косы и целые парики. Грубоватые украшения из сизаля ценились гораздо меньше тех, что были сделаны из мягких и шелковистых волокон баобаба. Но работа с баобабом была настолько тяжелее, что за целый парик приходилось отдавать трех коз. Впрочем, заказчицы всегда громко и долго восхищались работой мастериц, зная, что старухи возьмут с них меньше, если с ними часок поторговаться и почесать языками.

Старая Ньо Бото радовала женщин деревни Джуффуре не только своими особо искусно сделанными париками, но еще и откровенным презрением к древнему обычаю. Этот обычай предписывал женщинам всегда проявлять абсолютное уважение к мужчинам. Каждое утро она усаживалась на корточках перед своей

хижиной, раздетая по пояс, чтобы солнце грело ее грубую старую кожу, и принималась плести украшения. Впрочем, работа не занимала ее настолько, чтобы она не замечала проходящих мимо мужчин.

– Ха! – во весь голос восклицала она. – Посмотрите-ка на это! И они еще называют себя мужчинами! Вот в мои времена мужчины действительно были мужчинами!

И мужчинам, которые проходили мимо, приходилось спасаться бегством от ее едкого языка. К счастью, днем Ньо Бото засыпала, держа работу на коленях, а малыши, доверенные ее заботам, хохотали над ее громким храпом.

Девочки из второго кафо помогали матерям и старшим сестрам собирать в бамбуковые корзины лекарственные коренья и кулинарные специи. Потом собранное раскладывали на солнце для просушки. Когда мололи зерно, девочки сметали прочь шелуху и мякину. Они помогали стирать белье – отбивали о камни замоченную одежду, натертую грубым красноватым мылом, которое варили из щелока и пальмового масла.

Основная работа мужчин была уже закончена. Оставалось всего несколько дней до новолуния, которое знаменовало собой начало праздника урожая во всех деревнях Гамбии. В Джуффуре то там, то здесь раздавались звуки музыкальных инструментов. Деревенские музыканты пробовали свои двадцатичетырехструнные коры, барабаны и балафоны – мелодичные инструменты, изготовленные из тыкв: к сухим плодам привязывали деревянные пластинки разной длины, по которым ударяли молоточками. Вокруг музыкантов постоянно толпились жители деревни – всем хотелось послушать музыку. Кунта, Ситафа и их приятели, вернувшись с пастбища, тоже норовили подуть в бамбуковые флейты, позвонить в колокольчики и потрясти сушеные тыквы.

Большинство мужчин уже расслабились. Они сидели на корточках в тени баобаба и болтали друг с другом. Молодые мужчины возраста Оморо почтительно держались поодаль от старейшин, которые традиционно занимались решением важных деревенских дел. Иногда двое-трое молодых мужчин поднимались, потягивались и отправлялись прогуливаться по деревне, заложив руки за спину и сцепив мизинцы, как это издавна делали африканцы.

А некоторые мужчины уединялись и терпеливо вырезали из дерева какие-то вещицы разных форм и размеров. Кунта и его друзья порой даже откладывали в сторону свои пращи, чтобы понаблюдать, как резчики придают страшное и загадочное выражение маскам, предназначавшимся для праздничных танцев. Другие вырезали фигуры людей и животных: руки и ноги всегда были плотно прижаты к телу, ступни плоские, а голова высоко поднята.

Бинта и другие женщины смогли вздохнуть свободнее. Они толпились возле нового колодца, куда каждый день ходили за холодной водой, и сплетничали. Но к празднику нужно было как следует подготовиться, так что свободного времени у них было мало. Нужно было дошить одежду, убраться в хижинах, замочить сушеные продукты, забить коз для жаркого. Кроме того, женщины должны были позаботиться о себе, чтобы на празднике выглядеть наилучшим образом.

Кунте казалось, что старшие девчонки, которых он так часто видел сидящими на ветках деревьев, ведут себя совершенно по-дурацки. Они почему-то постоянно кривлялись и хихикали. Даже ходить нормально не могли. Но он не понимал, почему мужчины оборачиваются им вслед. Что интересного в неуклюжих созданиях, которые не смогли бы выпустить стрелу из лука, даже если бы постарались.

Он заметил, что у некоторых девочек губы раздулись с кулак. С внутренней стороны они прокалывали губы шипами и натирали черной золой. Даже Бинта, как все деревенские женщин старше двенадцати дождей, по ночам варила, а потом остужала отвар из толченых листьев фудано. В этот отвар она опускала ступни и бледные ладони, чтобы сделать их чернильно-черными. Когда Кунта спросил мать, зачем она это делает, она лишь отмахнулась. Тогда он обратился к отцу, и тот ответил:

– Чем чернее женщина, тем она красивее.

– Но почему? – удивился Кунта.

– Когда-нибудь поймешь, – пообещал Оморо.

Глава 12

Когда на рассвете ударили в тобало, Кунта буквально подскочил на месте. Вместе со своими приятелями он побежал к хлопковому дереву, где деревенские барабанщики уже били в барабаны, крича и ругаясь на них, словно те были живыми. Их руки так и летали над туго натянутой козьей шкурой. Вокруг них собралась большая толпа нарядных жителей деревни, которые один за другим начинали двигать руками, ногами, всем телом. Постепенно темп ускорился, и вот уже почти все присоединились к танцу.

Кунта видел такие церемонии не раз – и в начале посевной, и при сборе урожая, и когда мужчины уходили на охоту, и на свадьбах, и при рождении детей, и при смерти. Но никогда еще танец не трогал его так, как сегодня. Сегодня он просто не мог противиться какому-то внутреннему зову. Казалось, все взрослые обращаются прямо к его телу, рассказывая, что у них на уме. Кунта глазам своим не поверил, когда увидел среди кружащихся, подпрыгивающих, изгибающихся людей старую Ньо Бото. Неожиданно старуха дико вскрикнула, прижала руки к лицу, а потом отшатнулась назад, охваченная каким-то неведомым ужасом. Подхватив воображаемый груз, она принялась колотить руками и ногами по воздуху, пока не рухнула в изнеможении.

Кунта повернулся и стал искать среди танцующих знакомых людей. Под одной страшной маской он узнал алимамо. Тот дергался и извивался, словно змея вокруг ствола дерева. Кунта увидел тех, кто, как ему говорили, был старше даже Ньо Бото. Старики покинули свои хижины и ковыляли теперь на подкашивающихся ногах, трясли морщинистыми руками, их почти незрячие глаза щурились на солнце. Собрав последние силы, они пришли потанцевать вместе со всеми – хотя бы несколько шагов. А потом Кунта вытаращил глаза от изумления. Он увидел собственного отца. Оморо высоко вскидывал колени и громко топал. Крича во весь голос, он отклонялся назад, мышцы его дрожали. Потом резко бросался вперед, колотя кулаками в грудь, и продолжал прыгать и крутиться в воздухе, опускаясь с грохотом на землю.

Пульсирующий гром барабанов отзывался не только в ушах Кунты, но и в его ногах. Сам не сознавая того, словно во сне, он начал трясти руками, все его тело задрожало. И вот он уже прыгал и кричал вместе со всеми, никого вокруг не замечая. В конце концов он споткнулся и упал, совершенно обессиленный.

Кунта поднялся и на дрожащих ногах побрел в сторону, ощущая глубокую отстраненность, какой не чувствовал никогда прежде. Пораженный, напуганный

и возбужденный, он увидел, что среди взрослых танцуют не только Ситафа, но и все мальчишки из его кафо. Кунта снова пошел танцевать. Все жители деревни – от самых юных до глубоких стариков – танцевали целый день, не останавливаясь ни для еды, ни для питья, а только лишь для того, чтобы перевести дух. И когда Кунта вечером заснул, барабаны все еще продолжали греметь.

Второй день праздника начался с парада достойных людей – сразу после полудня. Во главе процессии шли арафанг, алимамо, старейшины, охотники, борцы и все те, кого совет старейшин отметил за достойные дела ради Джуффуре за время с последнего праздника урожая. За ними шли все остальные, распевая песни и громко хлопая. Музыканты вывели процессию за ворота деревни. Когда все свернули к дереву странников, Кунта и его кафо бросились вперед, образовали собственную процессию и начали сновать туда и сюда рядом с марширующими взрослыми, кланяясь и улыбаясь и приплясывая под звуки флейт, колокольчиков и погремушек. Мальчишки по очереди занимали почетное место во главе собственной процессии. Когда настала очередь Кунты, он выбежал вперед, высоко поднимая колени и проникаясь ощущением собственной значимости. Проходя мимо взрослых, он поймал взгляды Оморо и Бинты и понял, что родители гордятся своим сыном.

Все кухни деревни были открыты. Любой, кто проходил мимо, мог остановиться и полакомиться чем-то вкусным. Кунта и мальчишки из его кафо до отвала наелись вкусного жаркого с рисом. Даже жареного мяса было вдоволь – в деревне зажарили нескольких коз и дичь, принесенную из леса. Молодые девушки подносили бамбуковые корзинки, наполненные всевозможными фруктами.

Когда мальчишки отвлекались от набивания животов, они бегали к дереву странников, чтобы встречать радостных чужаков, решивших посетить деревню. Некоторые оставались на ночь, но чаще всего люди проводили в деревне лишь несколько часов и отправлялись на следующий праздник. Заглянувший в Джуффуре сенегалец принес большой тюк ярких тканей. Другие приходили с тяжелыми мешками лучших нигерийских орехов кола, цена которых определялась их размером. Торговцы приплывали по болонгу на лодках, груженных соляными брусками. Соль обменивали на индиго, шкуры, воск и мед. Ньо Бото с головой ушла в торговлю. За раковину каури у нее можно было купить пучок чистых кореньев лимонного сорго. Нарубленные коренья втирали в десны и зубы, чтобы дыхание было чистым и приятным.

Торговцы-язычники не заглядывали в Джуффуре – их табак и медвяное пиво предназначались только для неверных. Мусульмане мандинго никогда не пили алкоголя и не курили. В более крупные деревни направлялись и свободные молодые мужчины из других деревень. Во время уборки урожая несколько юношей ушли и из Джуффуре. Заметив, как они идут мимо деревни, Кунта с товарищами бежали за ними вслед, стараясь заглянуть в бамбуковые корзины у них на голове. Обычно там была одежда и небольшие подарки для новых друзей, которых эти мужчины рассчитывали встретить в своих странствиях, прежде чем вернуться в родные деревни к началу посевной.

Каждое утро деревня засыпала и просыпалась под грохот барабанов. И каждый день в Джуффуре приходили новые странствующие музыканты, играющие на корах, балафонах и барабанах. Если полученные подарки им льстили, если им нравилось, как танцуют и хлопают жители деревни, они останавливались и играли какое-то время, прежде чем двинуться дальше.

Когда приходили сказители, жители деревни сразу же усаживались вокруг баобаба, чтобы послушать истории про древних царей и семейные кланы воинов, легенды про великие битвы прошлого. Религиозные сказители изрекали пророчества и грозили неудовольствием Аллаха, а потом предлагали провести необходимые (и уже знакомые Кунте) церемонии – в обмен на небольшие подарки. Высоким голосом сказитель-певец затягивал бесконечные стихи о былой роскоши и богатстве царств Ганы, Сонгая и Древнего Мали. Когда он заканчивал, кто-то из жителей деревни платил ему, чтобы он спел для их старых родителей, которые остались в хижинах. Когда старики выходили к дверям и стояли, моргая на ярком солнце и широко улыбаясь беззубыми ртами, все начинали громко хлопать. Сделав свое доброе дело, сказитель напоминал всем, что в Джуффуре его в любое время может привести сигнал барабанов (и скромный подарок) и он с радостью споет на похоронах, свадьбах и других особых церемониях. А затем отправлялся к следующей деревне.

На шестой день праздника урожая прозвучал необычный гром барабанов. Услышав оскорбительные слова тамтама, Кунта поспешил на улицу. Разгневанные жители деревни уже толпились вокруг баобаба. Барабаны звучали где-то неподалеку. Они извещали о приближении борцов, таких сильных, что борцам Джуффуре лучше сразу попрятаться по хижинам. Через мгновение толпа радостно взвыла – барабаны Джуффуре ответили чужакам, что таких болванов здесь просто покалечат, если не хуже.

Жители деревни поспешили к площадке для борьбы. Борцы Джуффуре облачались в короткие рубахи с закатанными тканевыми валиками на боках и ягодицах и обмазывались скользкой пастой из молотых листьев баобаба и древесной золы. Тут раздались крики, означающие прибытие борцов-зачинщиков. Крепко сложенные чужаки не смотрели на кричащую толпу. За своим барабанщиком они цепочкой прошли прямо на площадку. Чужаки уже облачились в специальную одежду и теперь начали натирать друг друга скользкой пастой. Когда деревенские барабанщики вывели на площадку борцов Джуффуре, восторженные крики стали такими оглушительными, что барабанщикам пришлось умолкнуть, чтобы зрители успокоились.

Потом оба барабана грянули: «Готовьсь!» Соперники разбились на пары и встали лицом к лицу. «Начали! Начали!» – прогремели барабаны, и борцы начали кружить друг вокруг друга, словно коты. Барабанщики метались между борцами, каждый отбивал имена своих чемпионов прошлого – считалось, что духи великих борцов сейчас наблюдают за схваткой.

После ряда ложных выпадов борцы наконец-то ухватили друг друга и начали бороться. Вскоре над площадкой поднялись облака пыли, такие густые, что борцы почти скрылись с глаз яростно орущих зрителей. Падения не засчитывались. Победой считалось только одно: один борец должен был сбить другого с ног, поднять над собой и бросить на землю. И каждый раз, когда это случалось – сначала одолел соперника чемпион Джуффуре, затем один из чужаков, – зрители начинали прыгать и кричать, а барабаны отбивали имя победителя. Разумеется, за спинами восторженной толпы Кунта с товарищами устроили собственные поединки.

Наконец все было кончено. Команда Джуффуре одержала на одну победу больше. Победители получили в награду рога и копыта только что забитого вола. Большие куски мяса уже жарились на костре. Отважных зачинщиков пригласили присоединиться к празднику. Люди поздравляли храбрых и сильных чужаков. Незамужние девушки привязывали маленькие колокольчики к щиколоткам и локтям борцов. А когда началось пиршество, мальчики из третьего кафо Джуффуре тщательно вымели всю борцовскую площадку, чтобы подготовить ее для серубы.

Жаркое солнце начало клониться к закату, когда люди вновь собрались вокруг площадки. Теперь все были одеты в свои лучшие наряды. Под низкий гул барабанов борцы выскочили на площадку и начали прыгать и изгибаться.

Мышцы переливались под блестящей кожей, колокольчики звенели, зрители восхищались силой и грацией борцов. Неожиданно барабаны загремели еще громче. На площадку выбежали молодые девушки. Они игриво плясали между борцов, а зрители хлопали. И тут барабанщики стали отбивать самый быстрый ритм – и девушки притопывали в такт.

Покрытые потом, утомленные девушки одна за другой покидали площадку, бросая в пыль свои яркие головные повязки – тико. Все внимательно следили, не подберет ли кто-то из холостых мужчин чью-то повязку в знак высокой оценки танца – и это означало, что вскоре мужчина придет к отцу девушки, чтобы оговорить цену невесты в козах и коровах. Кунта и его товарищи были еще слишком юны, чтобы понимать такие вещи, но общее возбуждение спало, и мальчишки убежали забавляться со своими пращами. Впрочем, все еще только начиналось. Спустя минуту раздались громкие крики восторга: один из чужих борцов подобрал тико. Свершилось важное – и радостное – событие. Но счастливая невеста будет не единственной, кому придется покинуть родную деревню.

Глава 13

В последнее утро праздника Кунта проснулся от громких криков. Натянув свое дундико, он выскочил на улицу, и живот у него скрутило от страха. Перед соседними хижинами с дикими криками прыгали мужчины в устрашающих масках, высоких тюрбанах и костюмах из листьев и коры. Они потрясали копьями. Кунта в ужасе смотрел, как мужчины с ревом врываются в хижины и вытаскивают оттуда дрожащих мальчиков из третьего кафо.

Кунта заметил своих приятелей по второму кафо и присоединился к ним. Дрожа, они смотрели на все происходящее. На голову каждому мальчику из третьего кафо натягивали плотный белый мешок. Заметив Кунту, Ситафу и других мальчишек, один из мужчин в масках двинулся к ним, потрясая копьем и издавая громкие крики. Хотя он остановился и снова повернулся к своей жертве в белом мешке, мальчишки задрожали и закричали от ужаса. Когда мужчины собрали всех мальчиков из третьего кафо, их передали рабам. Те взяли их за руки и поодиночке вывели за ворота деревни.

Кунта слышал о том, что старших мальчиков уводят из Джуффуре, чтобы они стали мужчинами, но не представлял, как именно это происходит. Уход старших мальчиков, да еще в такой зловещей обстановке, окутал деревню атмосферой печали. В последующие дни Кунта и его приятели не говорили ни о чем, кроме тех ужасов, свидетелями которых они стали. О таинственном посвящении в мужчины ходили еще более страшные слухи. Утром арафанг раздавал подзатыльники направо и налево – мальчишки совершенно не хотели учить стихи Корана. После уроков они погнали коз в буш[13 - Пастбище.], стараясь не думать о том, чего не могли забыть – ведь и им предстояло оказаться на месте этих мальчиков с мешками на головах, которых пинками и тычками гнали за ворота деревни.

Все знали, что пройдет двенадцать полных лун, прежде чем мальчики третьего кафо вернутся в деревню – уже мужчинами. Кунте кто-то говорил, что в это время мальчиков каждый день избивают. Карамо слышал, что им приходится охотиться на диких животных, чтобы добыть себе пропитание. Ситафа заявил, что их по ночам в одиночку заводят в темный лес, чтобы они сами искали дорогу назад. Но о самом худшем никто не говорил, хотя каждый раз, уходя облегчиться, Кунта вздрагивал: он слышал, что в это страшное время мальчикам отрезают часть их пениса. Чем дольше болтали мальчишки, тем страшнее им становилось. В конце концов они перестали говорить об этом, и каждый пытался скрыть свой страх, не желая показаться трусом.

Пасти коз Кунте и его товарищам стало гораздо проще, чем в первые дни. Но им все еще было чему учиться. Они начали понимать, что труднее всего их работа по утрам, когда над пастбищем летают тучи жалящих насекомых и козы носятся из стороны в сторону, дрожа всем телом и крутя коротким хвостом. Мальчишкам и собакам приходилось бегать кругами, пытаясь вновь собрать их в стадо. Но около полудня, когда становилось так жарко, что даже мухи устремлялись в более прохладные места, уставшие козы принимались щипать траву, а мальчишки могли наконец-то передохнуть.

Каждый из них уже хорошо овладел своей пращой, а также новым луком и стрелами, подаренными отцом при переходе во второй кафо. Теперь они часами охотились на всех мелких существ, какие только попадались им на глаза: зайцев, земляных белок, лесных крыс, ящериц. А однажды хитрая куропатка попыталась увести Кунту от своего гнезда. Она подволакивала крыло, словно он уже подбил ее. После охоты мальчишки свежевали и ощипывали дневную добычу, натирая тушки изнутри солью, которая всегда была у них с собой. Потом

они разводили костер и устраивали настоящий пир.

Каждый день в буше был жарче предыдущего. Насекомые все раньше оставляли коз в покое и устремлялись в тень, а козы падали на колени, потому что зеленая трава становилась все короче и до нее нелегко было добраться через высокие сухие стебли. Но Кунта и его приятели не обращали внимания на жару. Обливаясь потом, они играли, словно каждый день был лучшим в их жизни. Набив животы зажаренной добычей, они начинали бороться, бегать, а порой просто кричали и корчили рожи друг другу, не забывая следить за пасущимися козами. Играя в войну, мальчишки колотили друг друга импровизированными копьями из толстых веток, пока кто-нибудь не поднимал вверх пучки травы в знак мира. А потом они избавлялись от воинственного духа, натирая ступни содержимым желудка убитого кролика: от старух они слышали, что настоящие воины используют для этого желудок овцы.

Иногда Кунта и его приятели забавлялись со своими преданными друзьями – собаками-вуоло. Мандинго держали этих собак с незапамятных времени. Вуоло считались лучшими охотничьими и сторожевыми псами во всей Африке. Невозможно сосчитать, сколько коз и коров спасли они темными ночами от хищных гиен – гиены не подходили туда, где слышался вой вуоло. Но не гиен преследовали Кунта и его приятели, играя в охотников. В своем воображении они крались среди высокой, иссушенной солнцем травы саванны, и целью их были носороги, слоны, леопарды и могучие львы.

Порой, когда мальчик шел за своими козами, ищущими травы и тени, он отбивался от приятелей. Когда это случилось впервые, Кунта сразу же погнал своих коз назад, чтобы оказаться рядом с Ситафой. Но со временем он стал ценить моменты одиночества, потому что тогда он мог сам поразить какую-то большую дичь. Нет, не обычную антилопу, леопарда или даже льва видел он в своих мечтаниях. Он видел самого страшного и опасного зверя – взбесившегося буйвола.

Страшный зверь, которого он выслеживал, наводил такой ужас на окрестности, что многих охотников посылали выследить и убить его. Но охотникам удалось лишь ранить буйвола. Один за другим они погибали от его острых рогов. Рана сделала буйвола еще более кровожадным – он набросился на нескольких мужчин из Джуффуре, когда те работали на своих полях. Знаменитый симбон[14 - Охотник.] Кунта Кинте ушел в лес – он выкурил пчел из гнезда, чтобы подкрепить силы сладким медом. Там он услышал далекий рокот барабанов,

умолявших его спасти народ родной деревни. И он не мог отказать.

Ни один стебелек сухой травы не хрустнул под его ногами, так тихо шел он по следу буйвола. Его вело шестое чувство, которое подсказывает опытным симбонам, куда ушло животное. И вскоре он увидел следы, которые искал: следы были больше всех, что он видел в своей жизни. Он двигался так же бесшумно, раздувая ноздри – едкий запах привел его к огромной куче свежего буйволиного навоза. Призвав все свои навыки и умения, симбон Кинте наконец-то выследил огромного зверя – никто другой не заметил бы его в густой высокой траве.

Натянув свой лук, Кинте тщательно прицелился – и послал стрелу точно в цель. Буйвол был тяжело ранен, но стал еще опаснее, чем раньше. Прыгая из стороны в сторону, Кинте ловко уворачивался от обезумевшего зверя и пытался улучить момент для нового выстрела. Вторую стрелу он выпустил лишь тогда, когда ему пришлось отпрыгнуть в последнюю секунду. И тут гигантский буйвол упал замертво.

Пронзительный свист Кинте разнесся над саванной. Из укрытия, пораженные и дрожащие, выбирались другие охотники, которым не удалось сделать то, что только что сделал он. Кинте приказал им освежевать огромного буйвола и позвать других мужчин, чтобы доставить тушу в Джуффуре. С радостными криками люди выстелили всю дорогу до ворот деревни шкурами, чтобы Кинте не пришлось идти по пыли. «Симбон Кинте!» – гремели барабаны. «Симбон Кинте!» – кричали дети, размахивая ветками и огромными листьями. Все стремились прикоснуться к великому охотнику, чтобы получить хоть часть его силы и умений. Маленькие мальчики плясали вокруг огромной туши. Они снова разыгрывали сцену охоты и, издавая вопли, тыкали в буйвола длинными палками.

И тут вперед толпы вышла самая сильная, грациозная и восхитительно черная девушка Джуффуре – самая красивая во всей Гамбии – и опустилась перед ним на колени, предлагая калабаш холодной воды. Но Кинте не хотелось пить. Он лишь омочил пальцы в знак уважения, а девушка выпила эту воду со слезами счастья на глазах, показав всем глубину своей любви.

Восторженная толпа расступилась, уступая дорогу постаревшим, морщинистым и седым Оморо и Бинте. Они шли, опираясь на палки. Симбон позволил старой матери обнять себя. Оморо смотрел на него, и глаза его сияли гордостью. И весь

народ Джуффуре кричал: «Кинте! Кинте!» Даже собаки лаяли в честь великого охотника.

Или это лает его собственная собака-вуоло? «Кинте! Кинте!»

Или это кричит Ситафа? Кунта очнулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как его позабытые козы приближаются к чужому полю. Ситафа и другие мальчишки со своими собаками помогли отогнать их, прежде чем те успели чем-то полакомиться. Но Кунте было так стыдно, что прошла целая луна, прежде чем он позволил себе снова погрузиться в подобные мечтания.

Глава 14

Хотя солнце было уже очень жарким, пять долгих лун сухого сезона еще только начинались. Демоны жара мерцали перед глазами, увеличивая предметы, находившиеся вдали, а люди обливались потом в хижинах почти так же, как на полях. Когда Кунта по утрам отправлялся пасти коз, Бинта внимательно следила, чтобы он не забыл смазать ступни красным пальмовым маслом. Но каждый раз, когда он возвращался из открытого буша в деревню, губы его пересыхали, а пятки трескались от жара раскаленной земли. У некоторых мальчишек пятки трескались до крови, но каждое утро они снова отправлялись в буш, не жалуясь, как и их отцы. Они отправлялись в адский жар иссыхающего пастбища, где было еще хуже, чем в деревне.

Когда солнце достигало зенита, мальчишки, собаки и козы укрывались в тени невысоких деревьев. У мальчишек уже не было сил охотиться и жарить мелкую дичь, как прежде. Чаще всего они просто сидели и болтали, стараясь казаться веселыми. Но к этому времени занятие их перестало казаться интересным и увлекательным.

Трудно было представить, что палки, которые они собирали каждый день, понадобятся для тепла, но как только солнце садилось, становилось так же холодно, как жарко было днем. После вечерней трапезы народ Джуффуре собирался вокруг потрескивающих костров. Мужчины возраста Оморо сидели вокруг одного костра, чуть поодаль горел костер старейшин. Вокруг своего костра сидели женщины и незамужние девушки, отдельно от старух, которые

рассказывали сказки малышам из первого кафо вокруг четвертого костра.

Кунте и другим мальчишкам из второго кафо было зазорно сидеть с голыми малышами кафо Ламина, поэтому они устраивались чуть в стороне, чтобы не казаться частью этой шумной, хихикающей группы. Но при этом они старались сесть не слишком далеко, чтобы слышать истории старух, которые зачаровывали их, как прежде. Иногда Кунта и его приятели подслушивали и у других костров, но все разговоры были о жаре. Кунта слышал, как старики вспоминали времена, когда солнце убило растения и сожгло посевы, когда колодец пересох, а люди падали замертво и высыхали прямо на земле. Стоит сильная жара, говорили старики, но не такая сильная, какую помнили многие из них. Кунте казалось, что старики всегда могут припомнить что-то еще худшее.

А потом воздух превратился в прозрачное пламя, а ночью люди дрожали под одеялами, когда холод пробирал их до костей. Утром же они снова утирали лица и не могли вздохнуть полной грудью. В тот день задул ветер харматан[15 - Сухой и пыльный западноафриканский пассат. Он дует из Сахары по направлению к Гвинейскому заливу в период с конца ноября по начало марта.]. Ветер был несильный, не порывистый – тогда было бы легче. Этот ветер был ровным и слабым, пыльным и сухим, он дул день и ночь почти пол-луны. И, как всегда, постоянный и ровный харматан выматывал всю душу из жителей Джуффуре. Родители стали чаще кричать на детей и бить их безо всякого повода. Хотя мандинго были спокойным народом, но сейчас и часа не проходило, чтобы взрослые не начинали кричать друг на друга. Чаще всех ссорились молодые мужья и жены, как Оморо и Бинта. Выглядывая из своих хижин, соседи видели, как на помощь ссорящимся спешат их матери. Через какое-то время крики становились громче, а потом из дверей начинали вылетать корзины, горшки, калабаши, стулья, одежда. Накричавшись и успокоившись, жена собирала имущество и убегала в материнскую хижину.

Примерно через две луны харматан неожиданно прекратился. Не прошло и дня, как воздух стал неподвижным, а небо расчистилось. Всю ночь жены возвращались к своим мужьям, а свекрови обменивались небольшими подарками и примирялись по всей деревне. Но пять долгих лун сухого сезона еще не истекли даже наполовину. Хотя кладовые были полны еды, матери готовили совсем чуть-чуть, потому что даже дети не всегда хотели есть. Жара лишила всех сил. Люди мало разговаривали и делали лишь самое необходимое.

На шкурах исхудавших коров и волов появились набухшие язвы – там мухи отложили яйца. Замерли даже суетливые куры, которые обычно с кудахтаньем носились по всей деревне. Теперь они просто сидели в пыли, раскрыв крылья и клювы. Даже обезьян не было видно – большая их часть откочевала глубже в лес в поисках прохлады. Кунта заметил, что на жаре козы почти не щиплют траву, худеют и злятся.

По какой-то причине – может быть, из-за жары или просто из-за того, что они стали старше – Кунта и его товарищи, которые на протяжении почти шести лун каждый день проводили вместе в буше, теперь стали отдаляться друг от друга, оставаясь со своими маленькими стадами. Так происходило несколько дней, прежде чем Кунта осознал, что никогда прежде не уходил от других людей так надолго. Он огляделся и увидел, что и остальные мальчишки пасут своих коз поодаль друг от друга. Над иссушенным солнцем бушем царила мертвая тишина. Вдали виднелись поля – мужчины пропалывали сорняки, которые выросли со времени уборки урожая. Высокие стога сорняков сохли на солнце. Казалось, что они мерцают и дрожат в жарком воздухе.

Кунта вытер пот со лба и подумал, что его народ постоянно переживает какие-то трудности, одну за другой. Порой происходило что-то неприятное или тяжелое, порой страшное или угрожающее самой жизни. Он думал о мучительно жарких днях, за которыми следовали ледяные ночи. Он думал о дождях, которые должны прийти за засухой. Дожди превратят деревню в настоящее болото и зальют дорожки, и тогда придется перемещаться на каноэ. Им нужны дожди, как нужно и солнце, но всего оказывается либо слишком много, либо слишком мало. Даже когда козы были жирными, а деревья ломились от цветов и плодов, Кунта знал, что наступит время, когда последние запасы закончатся в деревенских кладовых. Наступит голодное время, люди будут болеть и даже умирать, как умерла его любимая бабушка Яйса.

Сезон урожая был счастливым временем, временем праздников. Но он кончался слишком быстро, а потом наступал долгий сухой сезон с мучительным харматаном, когда Бинта кричала на него и била Ламина – теперь Кунте было стыдно за то, что он сам обижал младшего брата. Гоня коз к деревне, Кунта вспоминал истории, которые слышал много раз, когда был таким же, как Ламин. Старухи рассказывали, что предки жили в постоянном страхе перед разными опасностями. Кунта понял, что жизнь его народа была тяжелой. Наверное, такой она и останется навсегда.

Каждый вечер в деревне алимамо просил Аллаха о дожде. И однажды в Джуффуре началось радостное оживление. Легкий ветерок погнал пыль – такой ветер возвещал приближение дождей. И на следующее утро жители деревни вышли на поля. Мужчины подожгли стога сорняков. Густой дым окутал землю. Жара была почти невыносимой, но обливающиеся потом люди танцевали и радовались, а дети из первого кафо носились вокруг и визжали. Каждый пытался поймать сулящие удачу легкие хлопья пепла.

На следующий день слабый ветерок начал разносить золу по полям, удобряя почву для следующего урожая. Мужчины вооружились мотыгами и стали прокладывать длинные борозды для новых семян. Наступал седьмой посевной сезон, который Кунте предстояло прожить в бесконечном цикле смены времен года.

Глава 15

Два дождя прошло, и живот Бинты снова вырос, а характер испортился еще сильнее, чем обычно. Она с такой легкостью раздавала подзатыльники сыновьям, что Кунта каждое утро радовался, что может хоть на несколько часов скрыться от нее со своими козами. Возвращаясь вечером, он страшно жалел Ламина, который был уже большим, чтобы совершить провинность и получить подзатыльник, но еще маленьким, чтобы в одиночку выходить из дома. Однажды, когда Кунта вернулся домой и обнаружил Ламина в слезах, он спросил у Бинты (не без положенных экивоков), можно ли брату прогуляться с ним.

– Можно! – рявкнула мать.

Маленький голый Ламин не мог сдержать радости при столь неожиданном проявлении доброты. Но Кунта испытал такое отвращение к самому себе, что задал брату трепку, как только Бинта перестала их слышать. Ламин взвыл, а потом, как щенок, поплелся за братом.

С этого дня Ламин каждый вечер поджидал Кунту у дверей в надежде на то, что старший брат снова возьмет его с собой. Кунта так и поступал почти каждый день – но не потому, что ему этого хотелось. Бинта испытывала такое

облегчение, избавляясь от них обоих, что могла бы поколотить старшего сына, если бы тот не забрал Ламина на улицу. Казалось, сбылся ночной кошмар – голый младший брат прилип к спине Кунты, как огромная личинка из болонга. Но вскоре Кунта стал замечать, что за многими его приятелями тоже тянутся младшие братья. Хотя малыши играли чуть поодаль, но постоянно следили за старшими братьями, которые изо всех сил старались не обращать на них внимания. Иногда старшие сбегали и хохотали, глядя, как малыши отчаянно пытаются догнать их. Когда Кунта и его приятели забирались на деревья, младшие пытались следовать за ними и обычно падали на землю, а старшие мальчишки смеялись над такой неуклюжестью. И скоро оказалось, что играть с малышами даже забавно.

Когда Кунта оставался наедине с Ламином, он мог уделить ему больше внимания. Крутя крохотное семечко в пальцах, он объяснял малышу, что огромное хлопковое дерево в Джуффуре выросло из этого маленького комочка. Поймав пчелу, Кунта осторожно показывал ее Ламину, чтобы тот увидел жало. Перевернув пчелу, он объяснял, как пчела высасывает нектар из цветов и превращает его в мед в гнездах высоко на деревьях. Ламин начал задавать Кунте множество вопросов, на большую часть которых тот терпеливо отвечал. Уверенность Ламина в том, что Кунта знает все, была очень приятной. Кунта чувствовал себя старше своих восьми дождей. Теперь младший брат уже не казался ему назойливой обузой.

Кунта изо всех сил старался этого не показать, но, возвращаясь домой с пастбища, он уже ждал радостного приветствия Ламина. Однажды ему даже показалось, что он заметил улыбку Бинты, когда они с Ламином выходили из хижины. Бинта часто ругалась на младшего сына:

– Тебе следует поучиться у старшего брата!

Через мгновение она могла дать Кунте подзатыльник, но все же это случалось не так часто, как прежде. Бинта часто пугала Ламина, что, если он не будет слушаться, она не отпустит его с Кунтой, и малыш весь день вел себя тише мыши.

Обычно они с Ламином покидали хижину, чинно держась за руки, но на улице Кунта тут же бросался бежать, а брат с трудом поспевал за ним. Они присоединялись к другим мальчишкам второго и первого кафо. Как-то во время такой прогулки приятель Кунты, наткнувшись на Ламина, сильно стукнул его по

спине. Кунта немедленно подскочил, грубо оттолкнул парня и резко заявил:

– Это мой брат!

Приятелю это не понравилось, они начали драться, но другие ребята их разняли. Кунта взял плачущего Ламина за руку и потащил прочь под взглядами мальчишек. Собственные действия смутили и изумили Кунту. Он ударил своего приятеля по кафо из-за какого-то сопливого младшего брата. Но после этого дня Ламин стал открыто подражать Кунте во всем, иногда даже в присутствии Бинты или Оморо. Хотя Кунта притворялся, что ему это не нравится, но в глубине души был страшно горд.

Когда Ламин попытался забраться на дерево и упал, Кунта показал ему, как лазить правильно. От случая к случаю он учил младшего брата бороться (и Ламин завоевал уважение мальчишки, который как-то унизил его перед приятелями по кафо), свистеть, заложив в рот пальцы (хотя даже самый сильный свист малыша не мог сравниться с его собственным). Он показывал Ламину листья, из которых мать любила заваривать чай. Он учил Ламина не трогать больших блестящих навозных жуков, которые часто заползали в хижину. Жуков нужно было осторожно выносить за порог и выпускать. Причинить им вред считалось очень плохой приметой. Еще опаснее было трогать шпоры петухов. Но как бы он ни старался, ему никак не удавалось научить Ламина определять время суток по положению солнца.

– Ты еще слишком маленький, но со временем научишься, – говорил он.

Когда Ламин никак не мог усвоить что-то простое, Кунта начинал кричать на него, а когда малыш становился слишком назойливым, мог дать и подзатыльник. Но потом он всегда жалел о своем поступке – жалел так сильно, что порой позволял Ламину надевать свое дундико.

Сблизившись с братом, Кунта перестал думать о том, что так часто беспокоило его прежде – о пропасти между ним с его восемью дождями и старшими мальчиками и мужчинами Джуффуре. В его жизни не было дня, когда что-нибудь не напоминало бы о том, что он все еще относится ко второму кафо – и продолжает спать в одной хижине с матерью. Старшие мальчики, которых сейчас увели в лес, презрительно хмыкали, замечая ровесников Кунты. А взрослые мужчины, Оморо и другие отцы, вели себя так, словно мальчишек

второго кафо приходится всего лишь терпеть. Мать обижала Кунту, и он, отправляясь в буш пасти коз, часто думал, что, став мужчиной, непременно поставит Бинту на место – ведь она женщина! Впрочем, он готов был отнестись к ней с добротой и простить – ведь она все-таки его мать.

Но больше всего Кунту и его приятелей раздражали девочки из второго кафо, которые росли вместе с ними. Девчонки постоянно твердили, что уже собираются быть женами. Кунта знал, что девочки выходят замуж в четырнадцать дождей или даже раньше, а мужчинам нельзя жениться, пока им не исполнится тридцать дождей, а то и больше. Собственный возраст смущал мальчишек, избавлялись от смущения они только в буше, где были предоставлены сами себе. А Кунте помогал еще и Ламин.

Каждый раз, когда они с братом шли куда-то, Кунта представлял, как он берет Ламина в какое-то путешествие – мужчины иногда отправлялись в путь вместе с сыновьями. Кунта чувствовал свою ответственность, чувствовал себя старшим, а Ламин видел в нем источник всех знаний. Шагая рядом, Ламин засыпал Кунту кучей вопросов.

– А мир большой?

– Ну, – отвечал Кунта, – ни один человек на каноэ не заплывал еще так далеко. И никто не знает всего, что можно узнать о мире.

– А чему вас учит арафанг?

Кунта прочитал первые стихи Корана на арабском и сказал:

– А теперь ты попробуй.

Ламин попробовал, но у него ничего не вышло (как Кунта и думал). И тогда старший брат снисходительно заметил:

– На это нужно время.

– А почему никто не убивает сов?

– Потому что в совах живут души наших умерших предков.

Потом Кунта рассказал Ламину о недавно умершей бабушке Яйсе.

– Ты был еще совсем маленьким и не можешь ее помнить.

– А что это за птица на дереве?

– Ястреб.

– А что он ест?

– Мышей, других птиц и зверьков.

– Оооо!

Кунта даже не представлял, как много он знает. Хотя порой Ламин спрашивал нечто такое, о чем Кунта и понятия не имел.

– А солнце горит?.. А почему наш отец не спит с нами?

В такие моменты Кунта начинал ворчать, потом умолкал – так поступал Оморо, когда уставал от вопросов сына. Ламин тоже умолкал, потому что у мандинго не принято разговаривать с тем, кто не хочет говорить. Порой Кунта вел себя так, словно глубоко погрузился в собственные мысли. Ламин тихо сидел рядом. Когда Кунта поднимался, вслед за ним поднимался и Ламин. А порой, когда Кунта не знал ответа на вопрос, он быстро делал что-то такое, что позволяло сменить тему.

При удобном случае Кунта дожидался, когда Ламина не будет в хижине, и спрашивал у Бинты или Оморо то, что хотел узнать младший брат. Он не говорил родителям, почему задает им так много вопросов, но они, похоже, догадывались. Они вели себя так, словно начинали видеть в Кунте взрослого человека – ведь он стал отвечать за младшего брата. И скоро Кунта стал делать резкие замечания Ламину в присутствии Бинты, когда тот поступал неправильно.

– Ты должен говорить разборчиво! – мог сказать он, щелкая пальцами.

Он мог дать подзатыльник Ламину, если тот недостаточно быстро делал то, что велела ему мать. Бинта же делала вид, что ничего не видит и не слышит.

Так что Ламину почти не удавалось ускользнуть от внимания матери или брата. А стоило Кунте задать Бинте или Оморо какой-то вопрос Ламина, те сразу же давали ему ответ.

– Почему воловья шкура, которой укрывается отец, красного цвета? Вол же не красный?

– Я покрасила шкуру буйвола щелоком и молотым просом, – отвечала Бинта.

– Где живет Аллах?

– Аллах живет там, где встает солнце, – говорил Оморо.

Глава 16

– Что такое рабы? – как-то раз спросил у Кунты Ламин.

Кунта заворчал и ничего не ответил. Шагая вперед и погрузившись в свои мысли, он гадал, что заставило Ламина задать этот вопрос. Кунта знал, что те, кого крадет тубоб, становятся рабами. Он слышал, как взрослые говорили о рабах, принадлежавших жителям Джуффуре. Но Кунта не знал, что такое «рабы». Вопрос Ламина, как всегда, заставил его задуматься и искать ответ.

На следующий день, когда Оморо собирался уходить за пальмовыми деревьями, чтобы построить Бинте новую кладовую, Кунта вызвался пойти вместе с ним. Ему нравилось ходить куда-то с отцом. Но в тот день они почти не разговаривали, пока не дошли до темной и прохладной пальмовой рощи.

И там Кунта резко спросил:

– А что такое рабы?

Оморо что-то проворчал, ничего не ответил и несколько минут бродил по роще, осматривая стволы разных пальм.

– Рабов не всегда легко отличить от тех, кто не рабы, – сказал он наконец.

Рубя выбранную пальму, Оморо объяснил Кунте, что хижины рабов покрыты ньянтанг[16 - Трава.] джонго, а хижины свободных людей – ньянтанг форо. Кунта знал, что форо – это лучшая трава для крыш.

– Но никогда нельзя говорить о рабах в присутствии рабов, – сурово сказал Оморо.

Кунта не понял почему, но, как всегда, кивнул.

Когда пальма рухнула, Оморо начал обрубать толстые жесткие листья. Кунта сорвал для себя несколько спелых плодов. И тут он почувствовал, что отец не против поговорить. Здорово будет потом все объяснить Ламину про рабов.

– А почему одни люди рабы, а другие нет? – спросил он.

Оморо объяснил, что люди становятся рабами по-разному. Некоторые рождаются у рабынь – и он назвал нескольких жителей Джуффуре. Кунта всех их хорошо знал. Среди них были даже родители его приятелей по кафо. Другие, продолжал Оморо, оставили родные деревни в голодный сезон и пришли в Джуффуре, чтобы стать рабами тех, кто согласится кормить и обеспечивать их. А есть и третьи – и Оморо назвал имена нескольких стариков. Когда-то они были врагами, и их захватили в плен.

– Они стали рабами, потому что им не хватило смелости погибнуть, – пояснил Оморо.

Он начал рубить ствол пальмы на части, которые мог бы нести сильный мужчина. Хотя все, кого он назвал, были рабами, они были уважаемыми людьми, и Кунта это знал.

– Их права защищают законы наших предков, – сказал Оморо. – Каждый хозяин должен обеспечить своих рабов пищей, одеждой, кровом, наделом земли, половина урожая с которого идет рабу. А еще рабу нужно дать жену или мужа. Но есть те, кто вызывает презрение, – продолжал отец. – Эти люди стали рабами, потому что совершили убийство, кражу или другое преступление. Таких рабов хозяин может бить или наказывать так, как они того заслуживают.

– А рабы навсегда остаются рабами? – спросил Кунта.

– Нет, многие рабы покупают себе свободу на средства, сэкономленные во время работы на своем наделе.

Оморо назвал нескольких жителей Джуффуре, которые так и поступили. А другие обрели свободу, вступив в брак в семье, которой они принадлежали.

Чтобы было легче нести тяжелое дерево, Оморо сделал прочную перевязь из зеленых лиан. Он продолжал рассказывать про рабов. Некоторые рабы со временем становились богаче своих хозяев и даже сами заводили рабов и обретали известность и уважение.

– Я знаю! Это Сундиата! – воскликнул Кунта.

Он не раз слышал от старух и сказителей о великом предке, генерале, армия которого победила множество врагов.

Оморо что-то буркнул и кивнул, довольный знаниями сына. Сам он тоже узнал о Сундиате, когда был в возрасте Кунты. Проверяя Кунту, он спросил:

– А кто был матерью Сундиаты?

– Соголон, женщина-буйвол! – с гордостью ответил Кунта.

Оморо улыбнулся и, взвалив на плечо два тяжелых бревна, перевязанных лианами, зашагал к дому. С плодами в руках Кунта последовал за ним. Почти всю дорогу до деревни Оморо рассказывал, как хромой, но очень умный генерал из рабов завоевал великую империю мандинго. К армии этого генерала присоединялись беглые рабы, которые прятались на болотах и в других

потаенных местах.

– Когда придет пора становиться мужчиной, – сказал Оморо, – ты узнаешь о нем больше.

Мысль об этом повергла Кунту в ужас, но в то же время он ощутил странное возбуждение.

Оморо сказал, что Сундиата сбежал от жестокого хозяина – многие рабы, которым не нравились хозяева, так поступали. Он сказал, что продавать рабов нельзя – только осужденных преступников.

– Бабушка Ньо Бото тоже рабыня, – добавил Оморо, и Кунта чуть плодом не подавился.

Он не мог себе этого представить. Он вспоминал, как любимая всеми старая Ньо Бото сидит перед собственной хижиной, присматривая за десятком голых малышей, одновременно плетя парики и едко ругаясь с проходящими взрослыми – даже со старейшинами, если ей этого хотелось. «Но она же никому не принадлежит», – подумал Кунта.

На следующий вечер, загнав коз в загоны, Кунта повел Ламина домой другой дорогой, не там, где играли мальчишки. Вскоре они молча сидели перед хижиной Ньо Бото. Через несколько минут старуха появилась в дверях, словно почувствовав, что у нее гости. Бросив быстрый взгляд на Кунту, который ей всегда нравился, она поняла, что у того что-то на уме. Она пригласила мальчиков войти и заварила им горячий травяной отвар.

– Как отец и мать? – спросила она.

– Хорошо, – вежливо ответил Кунта. – Спасибо, что спросили. А у вас все хорошо, бабушка?

– Все хорошо, спасибо.

Пока Ньо Бота не поставила перед ним чай, Кунта молчал. Потом он пробормотал:

– Почему вы рабыня, бабушка?

Ньо Бото пристально посмотрела на Кунту и Ламина. Теперь уже она молчала, а потом повела свой рассказ.

– Я жила в деревне очень далеко отсюда, – начала она, – и это было много дождей назад. Тогда я была молодой женщиной и женой.

Как-то ночью она проснулась в ужасе – соседние хижины горели, люди кричали вокруг. Схватив двух своих детей, сына и дочь, отец которых недавно погиб в племенной войне, она побежала прочь. Но их поджидали белые работорговцы и их чернокожие помощники. После недолгого боя всех, кто не сумел убежать, связали. Тех, кто был серьезно ранен, слишком стар или слишком молод, чтобы пройти долгий путь, убили на глазах у оставшихся.

– И моих малышей, – заплакала Ньо Бото. – И мою старую мать…

Ламин и Кунта вцепились друг в друга руками. Ньо Бото рассказала, как напуганных узников связали друг с другом и много дней вели под палящими лучами солнца, подгоняя кнутами, чтобы они шли быстрее. Через несколько дней люди стали падать от голода и изнеможения. Некоторые боролись, а тех, кто не мог подняться, бросали на растерзание хищным зверям. Пленники шли через сожженные и разграбленные деревни – черепа и кости людей и животных валялись прямо на земле, где некогда стояли семейные хижины. До Джуффуре дошли меньше половины пленников. Отсюда до Камби Болонго, где продавали рабов, было еще четыре дня пути.

– Здесь продали одного пленника – за мешок кукурузы, – сказала старуха. – Этим человеком была я. Так меня стали называть Ньо Бото (Кунта знал, что это означает «мешок кукурузы»). Мужчина, купивший меня для своего раба, вскоре умер. А я так тут и осталась.

Ламин заерзал от возбуждения, а Кунта почувствовал к старой Ньо Бото непередаваемую любовь и нежность. Он никогда прежде не испытывал ничего подобного. Старуха сидела, тихо улыбаясь мальчикам, отца и мать которых тоже когда-то качала на коленях.

– Ваш отец, Оморо, был в первом кафо, когда я пришла в Джуффуре, – сказала Ньо Бото, глядя прямо на Кунту. – Его мать, твоя бабушка Яйса, была моей дорогой подругой. Ты помнишь ее?

Кунта кивнул и с гордостью добавил, что рассказал младшему брату про бабушку.

– Это хорошо! – кивнула Ньо Бото. – А теперь мне нужно работать. Бегите!

Поблагодарив за чай, Кунта и Ламин вышли и медленно зашагали к хижине Бинте. Оба думали о своем.

На следующий день, когда Кунта вернулся с пастбища, у Ламина появились новые вопросы об истории Ньо Бото. А может такой огонь разгореться в Джуффуре? Кунта ответил, что никогда о таком не слышал и ничего подобного не видел. А Кунта когда-нибудь видел белых людей?

– Конечно, нет!

Но отец рассказывал о том, что они с братьями видели тубоба и его корабли где-то на реке.

Кунта быстро сменил тему, потому что мало что знал о тубобе и хотел все обдумать сам. Ему хотелось бы увидеть тубоба – конечно, с безопасного расстояния, потому что из всего, что он слышал, было ясно, что к таким людям лучше не приближаться.

Совсем недавно пропала девушка, собиравшая травы, а до нее двое взрослых мужчин, ушедших на охоту. Все были уверены, что их украл тубоб. Кунта помнил, как барабаны из других деревень сообщали, что тубоб похитил кого-то или появился поблизости. В такие моменты мужчины вооружались и удваивали охрану, а напуганные женщины быстро собирали детей и прятались в буше далеко от деревни. Порой прятаться приходилось несколько дней, пока тубоб не уходил окончательно.

Кунта вспомнил, как однажды пас своих коз в тихом и замершем под палящими лучами солнца буше. Он сидел в тени под своим любимым деревом. Случайно он

поднял глаза вверх и с изумлением увидел, что стая обезьян, резвившихся на верхних ветках дерева, неожиданно замерла. Обезьяны сидели, словно статуи, их длинные хвосты свисали с веток. Кунта думал, что обезьяны всегда с криками носятся по деревьям. Он не мог забыть, как тихо они сидели и наблюдали за каждым его движением. Он представил, что сам мог бы так сидеть на ветке и смотреть на тубоба под деревом.

Следующим вечером, пригнав коз в деревню, Кунта решил заговорить о белых людях со своими приятелями по кафо. Они сразу же пересказали ему все, что слышали сами. Один мальчик, Демба Контех, сказал, что его дядя однажды осмелился подкрасться к тубобу так близко, что почувствовал его запах – непередаваемую, особую вонь. Всем мальчишкам было известно, что тубоб крадет людей, чтобы съесть их. Но некоторые слышали, что украденных людей не съедают, а заставляют работать на больших полях. Ситафа Силла резко произнес, как когда-то его дед:

– Белый человек лжет!

Когда выдался удобный случай, Кунта спросил у Оморо:

– Отец, можешь рассказать, как вы с братьями видели тубоба на реке? – И тут же быстро добавил: – Мне нужно все правильно объяснить Ламину.

Кунте показалось, что отец улыбнулся, но отвечать он не стал, лишь что-то проворчал, показывая, что сейчас не время. А через несколько дней Оморо позвал Кунту и Ламина прогуляться с ним в лес за какими-то необходимыми кореньями. Ламин впервые отправился куда-то с отцом. Он был вне себя от радости. Зная, что этим счастьем он обязан Кунте, малыш крепко держался за полу его дундико.

Оморо рассказал, что после посвящения в мужчины его старшие братья Джаннех и Салум покинули Джуффуре. Через какое-то время до деревни дошли слухи: братья стали известными путешественниками, странствовали по необычным и далеким местам. Домой они впервые вернулись, когда барабаны разнесли весть о рождении первенца Оморо. Братья не спали и не ели, торопясь успеть к церемонии наречения имени. Их долго не было дома, и теперь они с радостью обнялись со своими друзьями детства. Но немногие из оставшихся их друзьей с печалью рассказывали о тех, кого больше нет: кто-то погиб в сожженных

деревнях, кого-то убили из страшных палок, плюющихся огнем, кого-то похитили, кто-то пропал во время работы на полях, охоты или странствий – и во всем был виноват тубоб.

Оморо сказал, что братья решили разузнать, что делает тубоб и как можно с ним справиться, и позвали его с собой. Трое суток шли они вдоль Камби Болонго, тщательно прячась в буше, пока не нашли то, что искали. Около двадцати огромных каноэ тубобов стояли у берега реки. Каждое было таким огромным, что на нем могли поместиться все жители Джуффуре. На каждом были установлены огромные шесты, высокие, как десять мужчин, стоящих на плечах друг у друга, и к шестам этим были привязаны большие куски белой ткани. Рядом находился остров, а на острове стояла крепость.

Множество тубобов суетилось на берегу. С ними были их черные помощники – и в крепости, и на небольших каноэ. На маленьких каноэ перевозили сухой индиго, хлопок, воск и шкуры. Но самым ужасным, сказал Оморо, были жестокости, которые им довелось увидеть. Тубобы захватили множество людей и теперь безжалостно их избивали, собираясь увезти куда-то далеко.

Оморо замолчал, и Кунта понял: отец думает, стоит ли говорить дальше. И все же он сказал:

– Сейчас увозят гораздо меньше наших людей, чем прежде.

Когда Кунта был совсем маленьким, царь Барра, правивший этой частью Гамбии, приказал, чтобы никто больше не сжигал деревень, не похищал и не убивал его подданных. И вскоре это прекратилось: воины других разгневанных царей сожгли большие каноэ и убили всех тубобов.

– И теперь, – сказал Оморо, – каждое каноэ тубобов, которое входит в Камби Болонго, должно девятнадцать раз выстрелить из пушек в честь царя Барры.

Теперь чиновники царя сами поставляют тубобам людей. Обычно это преступники, должники или те, кого заподозрили в заговоре против царя – возможно, даже и несправедливо. Когда в Камби Болонго входят корабли тубобов, которым нужны рабы, осужденных за разные преступления становится больше, сказал Оморо.

– Но даже царь не в силах прекратить похищение людей из деревень, – продолжал Оморо. – Вы должны знать, что за последние несколько лун из нашей деревни пропали три человека. И вы слышали барабаны других деревень. – Он сурово посмотрел на сыновей и медленно произнес: – То, что я скажу вам сейчас, вы должны услышать не одними лишь ушами – если вы не сделаете этого, вас могут украсть и мы расстанемся навечно!

Кунта и Ламин замерли от страха.

– Никогда не оставайтесь в одиночестве, если этого можно избежать, – произнес Оморо. – Никогда не выходите на улицу ночью. А если вы оказались одни днем или ночью, держитесь подальше от высокой травы или кустарников.

– Всю жизнь, – продолжил отец, – даже когда станете мужчинами, остерегайтесь тубобов. Они стреляют из огненных палок, и гром этот слышен издалека. Когда вы видите дым вдали от других деревень, то это дым от костров тубобов. Вы должны изучить все вокруг, чтобы понять, каким путем они идут. Тубобы шагают тяжелее, чем мы, они оставляют следы, не похожие на наши. Они ломают сучки и высокую траву. А оказавшись рядом с ними, вы ощутите их запах – так пахнут мокрые куры. Многие говорят, что тубобов можно почувствовать – по напряжению, распространяющемуся вокруг. Почувствовав это, замрите: где-то поблизости может быть тубоб.

– Но недостаточно просто узнать тубоба, – продолжал Оморо. – Многие наши люди работают на него. Это предатели и враги. Но, не зная их, вы не сможете их узнать. В буше вы не должны доверять тем, с кем не знакомы.

Кунта и Ламин пошевелиться не могли от страха.

– Вы должны запомнить мои слова на всю жизнь, – говорил отец. – Ваши дядья и я своими глазами видели, что происходило с теми, кого украли. Стать рабом у нас и тубоба не одно и то же. Тех, кого украли тубобы, сковали цепью и загнали в бамбуковые клетки на берегу реки. Когда с больших каноэ на берег приплывал важный тубоб, украденных людей выводили из клеток прямо на берег. Головы их были выбриты, кожу их смазали маслом, чтобы она блестела. Сначала их заставляли приседать и прыгать на месте. А когда тубобу было достаточно, украденных людей заставляли раскрывать рты, чтобы он мог осмотреть их зубы и заглянуть в горло.

Оморо коснулся пальцем паха Кунты, и тот подскочил на месте.

– Потом он смотрел на фото[17 - Половой член.] этих мужчин. И даже на тайные части женских тел. А потом снова заставил всех людей сесть и стал прикладывать раскаленное железо к их спинам и плечам. Люди кричали от боли, но их сажали в маленькие каноэ и перевозили на большой корабль.

– Мы с братьями видели, как многие падали на живот и ели песок, словно желая напоследок взять с собой частицу родного дома, – продолжал Оморо. – Но их поднимали и избивали. Некоторые продолжали бороться даже на маленьких каноэ, несмотря на дубинки и кнуты охранников. Они прыгали в воду, но там их поджидали ужасные длинные рыбы с серыми спинами и белыми животами, и пастями, полными острых зубов. И вода окрашивалась кровью.

Кунта и Ламин прижались друг к другу и задрожали.

– Лучше, чтобы вы узнали это сейчас и нам с матерью не пришлось резать белого петуха. – Оморо посмотрел на сыновей: – Вы знаете, что это означает?

Кунта с трудом кивнул и хрипло произнес:

– Его режут, когда кто-то пропадает?

Он видел, как целые семьи в отчаянии молились Аллаху, сидя вокруг белого петуха с перерезанным горлом.

– Да, – кивнул Оморо. – Если белый петух умирает, лежа на груди, надежда остается. Но если он падает на спину, надежды больше нет. И вся деревня обращается к Аллаху вместе с этой семьей.

– Отец, – голос Ламина так дрожал, что Кунта с трудом его узнал, – а куда большие каноэ отвозят украденных людей?

– Старики говорят, что в земли Джонг Санг Ду, – ответил Оморо. – А там продают огромным каннибалам тубабо куми, которые поедают рабов. Никто об этом ничего не знает.

Глава 17

Рассказ отца об украденных рабах и белых каннибалах так напугал Ламина, что ночью он несколько раз будил Кунту – его мучили кошмары. На следующий день, вернувшись с пастбища, Кунта решил избавить младшего брата – да и себя тоже – от этих мыслей, рассказав о замечательных дядьях.

– Братья нашего отца тоже сыновья Каирабы Кунты Кинте, в честь которого меня назвали, – с гордостью сказал Кунта. – Но наши дядья, Джаннех и Салум, рождены Сиренг.

Ламин ничего не понял, но Кунта продолжал рассказывать:

– Сиренг – это первая жена нашего деда. Она умерла прежде, чем он женился на нашей бабушке Яйсе.

Кунта разложил на земле палочки, чтобы показать Ламину разных членов семьи. Но он чувствовал, что Ламин все равно не понимает. Со вздохом Кунта принялся рассказывать о приключениях дядьев – ему самому страшно нравилось слушать об этом от отца.

– Наши дядья никогда не брали себе жен: так велика была их любовь к странствиям, – начал он. – Целыми лунами они странствовали под солнцем и спали под звездами. Наш отец говорит, что они были там, где солнце сжигает бесконечные пески. В том краю никогда не бывает дождя.

А в другом месте, где оказались их дядья, деревья были настолько толстыми, что в лесу было темно, как ночью, даже среди дня. Там жили люди ростом не больше Ламина. Как Ламин, они ходили голыми – даже взрослые. Но люди эти могли убивать даже огромных слонов крохотными отравленными стрелками. А другая земля, где они побывали, оказалась страной гигантов. Джаннех и Салум видели воинов, которые могли метать свои охотничьи копья вдвое дальше, чем самый сильный из мандинго, а их танцоры подпрыгивали выше своего роста – и были они на шесть локтей выше самого высокого человека в Джуффуре.

Перед сном Ламин широко раскрытыми глазами смотрел на брата. А Кунта разыгрывал перед ним свою любимую историю – неожиданно выпрыгивал, рубил воображаемым мечом направо и налево, словно Ламин был одним из бандитов, с которыми их дядьям приходилось сражаться в странствиях чуть ли не каждый день. Дядья их проделали долгий путь до великого черного города Зимбабве, они шли много лун, нагруженные слоновьми бивнями, драгоценными камнями и золотом.

Ламин просил рассказать новую историю, но Кунта велел ему спать. Когда же сам он улегся, то никак не мог выбросить из головы мысли о своих дядьях. Он словно видел все собственными глазами. Иногда ему снилось, что он сам путешествует вместе с дядьями в далекие земли, разговаривает с людьми, которые выглядят, ведут себя и живут совсем не так, как мандинго. Стоило ему услышать имена дядьев, как сердце его начинало колотиться изо всех сил.

Через несколько дней имена Джаннеха и Салума прозвучали в Джуффуре так громко, что Кунта с трудом сдержался. Был жаркий, тихий вечер. Почти все жители деревни сидели у дверей своих хижин или в тени баобаба. И вдруг в соседней деревне громко заговорил тамтам. Как и взрослые, Кунта и Ламин внимательно прислушивались к грохоту, чтобы понять, что сообщает барабан. Ламин громко ахнул, разобрав имя отца. Он был еще слишком мал, чтобы понять остальное, поэтому Кунта шепотом передал ему услышанное: в пяти днях пути на восходящее солнце Джаннех и Салум Кинте построили новую деревню. Они ожидают своего брата Оморо на церемонии наречения названия деревни на второй новой луне.

Барабаны умолкли. Ламин засыпал брата вопросами:

– Это наши дядья? А где это место? Наш отец пойдет туда?

Кунта не отвечал. Быстро шагая через всю деревню к дому джалибы, он почти не слушал брата. Там уже собрались другие люди, а потом пришел Оморо. За ним медленно шагала Бинта с огромным животом. Все смотрели, как Оморо о чем-то переговаривается с джалибой, а потом вручает ему подарок. Тамтам лежал у небольшого костра – козью шкуру нужно было нагреть, чтобы она стала эластичной и упругой. И вот все уже смотрели, как руки джалибы передают ответ Оморо: по воле Аллаха он прибудет в деревню братьев до второй новой луны. В следующие дни Оморо не удавалось и шагу ступить, чтобы не услышать поздравления и благословения новой деревне, которая войдет в историю как

основанная родом Кинте.

До ухода Оморо оставалось совсем немного времени, когда Кунту захватила мысль, слишком смелая, чтобы об этом думать. А вдруг отец позволит ему разделить с ним это странствие? Кунта ни о чем другом думать не мог. Заметив его необычную задумчивость, товарищи Кунты, даже Ситафа, оставили его в покое. А с младшим братом он стал таким раздражительным, что даже Ламин отстал от него, обиженный и непонимающий. Кунта знал, что ведет себя неправильно и плохо, но не мог справиться с собой.

Он знал, что иногда некоторым счастливчикам отцы, дядья или старшие братья позволяют отправиться с ними в путь. Но знал он и то, что такие мальчики были гораздо старше его восьми дождей – за исключением сирот, которые пользовались особыми правами по законам предков. Сирота мог следовать за любым мужчиной, и мужчина должен был делиться с ним всем, что у него есть – даже отправляясь в долгое странствие на много лун! – если мальчик шел за ним в двух шагах, делал все, что ему говорили, никогда не жаловался и не заговаривал первым.

Кунта старался, чтобы никто, особенно мать, не догадался о том, что он задумал. Он был уверен, что Бинте это не понравится и она запретит даже упоминать об этом. А тогда Оморо никогда не узнает, как страстно хочется Кунте отправиться с ним в путь. Кунта знал, что единственная надежда – спросить у самого отца, если только удастся застать его в одиночестве.

До ухода Оморо оставалось всего три дня. Почти отчаявшись, Кунта после завтрака погнал коз на пастбище – и тут увидел, как отец выходит из хижины Бинты. Он сразу же стал гонять коз взад и вперед, пока Оморо не отошел от хижины достаточно далеко, чтобы жена не могла его видеть. Тогда мальчик бросил своих коз, понимая, что другого шанса у него не будет, и бросился бежать как заяц. Он догнал отца и остановился, переводя дух. Оморо удивленно смотрел на него. Задыхающийся Кунта не мог вымолвить ни слова – все мысли выскочили у него из головы.

Оморо долго смотрел на сына, а потом произнес:

– Я только что сказал твоей матери…

И пошел прочь.

Кунта не сразу понял, что имел в виду отец.

– Айииии! – закричал он, даже не сознавая, что кричит.

Колотя по животу, он подпрыгнул в воздух, словно лягушка, и бросился назад к своим козам, чтобы отогнать их в буш.

Когда он собрался с мыслями и смог рассказать товарищам о том, что произошло, они преисполнились такой зависти, что перестали с ним разговаривать. Но к полудню они не смогли устоять перед искушением разделить с приятелем радость великой удачи. К этому времени Кунта уже понял, что с того самого дня, когда заговорили барабаны, отец думал про своего сына.

Вечером, когда Кунта радостно прибежал домой, в материнскую хижину, Бинта, не говоря ни слова, схватила его и начала так лупить, что мальчик вырвался и сбежал, даже не спрашивая, в чем его вина. Ее отношение к Оморо тоже изменилось – Кунта представить не мог подобного. Даже Ламин знал, что женщина никогда не должна проявлять неуважения к мужчине, но Оморо стоял, опустив голову, а Бинта раздраженно выговаривала ему, как ей не нравится, что они с Кунтой отправятся в буш, когда барабаны из других деревень постоянно сообщают о пропавших людях. Она толкла кускус для утренней каши с таким ожесточением, что ступка звучала, как барабан.

На следующее утро Кунта сбежал из хижины пораньше, чтобы избежать очередной трепки. Ламину же Бинта велела остаться. Она стала целовать и обнимать его, как не делала с младенчества. По глазам Ламина Кунта увидел, что малыш ничего не понимает, но должен терпеть.

Когда Кунта вышел на улицу из материнской хижины, то все встретившиеся ему по дороге в буш взрослые поздравляли его с такой удачей: он станет самым юным жителем Джуффуре, которому выпадет честь совершить со старшим такое долгое путешествие. Кунта скромно благодарил, демонстрируя хорошее воспитание, но в буше, вдали от взрослых, он взгромоздил себе на голову самый большой сверток, чтобы продемонстрировать приятелям, как ловко он держит равновесие. И то же он сделал на следующее утро, когда проходил мимо дерева

странников следом за отцом. Сверток трижды падал на землю, прежде чем ему удалось сделать достаточное количество шагов.

Возвращаясь домой и думая о том, что нужно сделать в деревне до ухода, Кунта почувствовал непреодолимое желание заглянуть к старой Ньо Бото. Загнав коз в загон, он постарался побыстрее сбежать из хижины Бинты и пришел к дому Ньо Бото. Она сразу же вышла ему навстречу.

– Я ждала тебя, – сказала Нью Бото, приглашая его войти.

Когда Кунта навещал старуху один, они всегда какое-то время сидели молча. И мальчику это нравилось. Хотя Кунта был слишком юн, а Ньо Бото стара, они чувствовали странную близость, сидя рядом в полутемной хижине и думая о своем.

– У меня кое-что есть для тебя, – наконец сказала Ньо Бото.

Она порылась в темной воловьей шкуре, свисавшей со стены возле ее постели, и вытащила оттуда темный амулет-сафи. Такие амулеты носили на предплечье.

– Твой дед благословил этот амулет, когда твой отец стал мужчиной, – сказала Ньо Бото. – Это благословение для первенца Оморо – для тебя. Бабушка Яйса просила передать его тебе, когда начнется твое взросление. Оно начинается с этого странствия с твоим отцом.

Кунта с любовью смотрел на старуху, но никак не мог подобрать слов, чтобы выразить, что значит для него этот амулет. В глубине души мальчик чувствовал, что она его понимает и будет с ним, как бы далеко он ни ушел.

На следующее утро, вернувшись после молитвы в мечети, Оморо недовольно переминался с ноги на ногу, пока Бинта упаковывала сверток Кунты. Вечером мальчик долго не мог заснуть от возбуждения, и среди ночи он слышал, как плачет Бинта. Неожиданно мать обняла его так крепко, что он почувствовал, как она дрожит. Впервые в жизни Кунта понял, как сильно любит его мать.

Вместе со своим другом Ситафой Кунта тщательно отрепетировал все, что будет делать с отцом. Сначала Оморо, а за ним Кунта сделали два шага за порог его

хижины. Потом остановились, повернулись, наклонились, смели пыль своих первых следов и ссыпали ее в охотничьи сумки, чтобы их следы непременно вернулись к тому же месту.

Бинта со слезами смотрела на них из дверей своей хижины, прижимая Ламина к большому животу. Оморо и Кунта двинулись в путь. Кунте хотелось обернуться и взглянуть на деревню, но он видел, что отец этого не делает, а смотрит перед собой и идет вперед. Мальчик вспомнил, что мужчине не подобает проявлять чувства. Они шли по деревне, к ним подходили люди, что-то говорили и улыбались. Кунта помахал своим приятелям по кафо, которые не спешили гнать коз на пастбище, желая проститься с ним. Он знал, что они понимают: он не может ответить на их приветствия, потому что любые разговоры для него были табу. У дерева странников они остановились, и Оморо привязал две узкие полоски ткани рядом с поблекшими на солнце сотнями таких же ленточек на нижних ветках. Каждая символизировала молитву об удаче в пути, о безопасности и благословении.

Кунта не мог поверить, что это происходит на самом деле. Впервые в жизни ему предстояло провести ночь вне материнской хижины. Впервые в жизни он ушел от ворот Джуффуре дальше, чем заводили его козы. Столь многое должно было случиться в его жизни впервые. Оморо повернулся и, не говоря ни слова и не оглядываясь, быстро пошел по тропе, ведущей в лес. Чуть не теряя свой сверток, Кунта поспешил вслед за отцом.

Глава 18

Кунте приходилось чуть ли не бежать, чтобы оставаться за отцом в двух шагах, как требовал обычай. Каждый широкий, плавный шаг отца был равен двум его коротким, быстрым шажкам. Примерно через час пути восторг Кунты ослабел – почти так же, как и он сам. Сверток, который он нес на голове, казался все тяжелее и тяжелее. Мальчик со страхом подумал: а что, если он устанет так сильно, что не сможет дальше идти? И тут же яростно сказал себе, что скорее рухнет замертво, чем позволит такому случиться.

Повсюду вокруг них сновали дикие свиньи, из-под ног взлетали куропатки, кролики стремительно неслись к своим норам. Но Кунта думал только о том,

чтобы не отстать от Оморо – он и слона бы не заметил в таком состоянии. Мышцы под коленями начали потихоньку ныть. Лицо было покрыто потом, голова тоже. Он чувствовал, что сверток начинает соскальзывать – понемногу, то в одну сторону, то в другую. Ему приходилось поправлять его обеими руками.

Через какое-то время Кунта увидел, что они приближаются к дереву странников другой деревни. Ему стало интересно, что это за деревня. Если отец скажет, он наверняка вспомнит, но с того момента, как они покинули Джуффуре, Оморо не произнес ни слова и ни разу не обернулся. Через несколько минут Кунта заметил, как к ним спешат голые дети первого кафо – так он сам когда-то встречал странников. Дети махали им и кричали. А подойдя ближе, были изумлены тем, что видят столь юного странника.

– Куда вы идете? – кричали дети, толпясь вокруг Кунты. – Он твой отец? Вы мандинго? Где ваша деревня?

Кунта хранил молчание, как и его отец. Он был преисполнен чувства собственного достоинства и значимости.

Как правило, возле дерева странников тропа раздваивалась: одна вела в деревню, другая – мимо. Если у странника не было дел в деревне, он мог пройти мимо нее, не проявив грубости по отношению к ее жителям. Оморо и Кунта зашагали мимо, и малыши разочарованно загалдели. Взрослые же, сидевшие под деревенским баобабом, лишь мельком взглянули на странников. Их внимание было приковано к сказителю – Кунта услышал, как он громко повествует о величии мандинго. На благословении новой деревни дядьев, наверное, будет много сказителей, певцов и музыкантов, подумал Кунта.

Пот стал заливать ему глаза. Мальчику приходилось часто моргать, чтобы избавиться от жжения в глазах. С момента выхода солнце прошло лишь половину неба, но ноги Кунты уже сильно болели, сверток на голове потяжелел. Мальчику казалось, что он больше не может сделать ни шагу. Чувство паники еще более усилилось, когда Оморо неожиданно остановился и положил сверток на землю. Кунта увидел рядом с тропой прозрачный водоем. Мальчик постоял, пытаясь унять дрожь в коленях, потом взялся за сверток на голове, чтобы опустить его на землю, но тот выскользнул из пальцев и грохнулся с громким стуком. Кунта понимал, что отец услышал, но Оморо стоял на коленях и пил у источника, ничем не показывая, что знает о присутствии сына.

Кунта даже не осознавал, как ему хочется пить. Шаткой походкой приблизившись к источнику, он опустился на колени, чтобы попить, но ноги его не держали. Он несколько раз попытался, но в конце концов лег на живот, приподнялся на локтях и опустил губы в воду.

– Чуть-чуть. – Отец впервые заговорил с ним с момента выхода из Джуффуре, и это поразило Кунту. – Проглоти чуть-чуть, подожди, потом выпей еще немного.

Кунта почему-то разозлился на Оморо. Он хотел сказать «да, отец», но ни звука не вылетало из его пересохшего горла. Он набрал в рот холодной воды и проглотил ее. Заставив себя выждать, он чуть не потерял сознание. Выпив еще немного, Кунта сел и расслабился. Он думал, что так вот и становятся мужчинами. А потом, выпрямившись, он почувствовал, что начинает дремать.

Когда Кунта очнулся – как долго он спал? – Оморо нигде не было. Мальчик видел большой сверток под деревом – значит, отец неподалеку. Он начал оглядываться по сторонам и только тогда понял, как сильно устал. Он встряхнулся и потянулся. Мышцы болели, но чувствовал он себя гораздо лучше, чем прежде. Кунта опустился на колени и сделал несколько глотков из источника. Его поразило собственное отражение в воде – узкое черное лицо с широко распахнутыми глазами и большим ртом. Кунта улыбнулся себе, потом усмехнулся, показывая зубы. Он не смог сдержать смеха, а когда посмотрел вверх, рядом с ним стоял Оморо. Смутившийся Кунта вскочил, но отец смотрел не на него, а куда-то в сторону.

Они устроились в тени деревьев, по-прежнему не говоря ни слова. Вокруг них тараторили обезьяны и громко кричали попугаи. Они съели хлеб, заботливо положенный Бинтой, и четырех жирных голубей, которых Оморо подстрелил из лука и зажарил, пока Кунта спал. Пока они ели, Кунта твердил себе, что у него впервые появилась возможность показать отцу, что он тоже умеет охотиться и готовить еду – они с приятелями по кафо давно наловчились готовить себе обед в буше.

Когда они покончили с едой, солнце прошло уже три четверти пути и стало не так жарко. Подняв свертки на голову, они снова вышли на тропу.

– Каноэ тубобов всего в дне пути отсюда, – сказал Оморо, когда они ушли довольно далеко. – Сейчас светло, и все видно, но нам нужно держаться в

стороне от высоких кустов и травы, подальше от неприятностей. – Оморо коснулся ножа в ножнах, лука и стрел. – Сегодня нужно заночевать в деревне.

Конечно, рядом с отцом можно было не бояться, но Кунта все же вздрогнул – с рождения он слышал об исчезновении и похищении людей. Печальные вести разносили по округе барабаны, об этом же рассказывали и приходящие в деревню странники. Они зашагали быстрее. Кунта заметил на тропе помет гиены, абсолютно белый – эти хищники своими мощными челюстями перемалывали кости в порошок и съедали их. Их приближение вспугнуло стадо антилоп: они перестали щипать траву и замерли, провожая людей глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Духовный лидер в деревнях народа мандинго (Здесь и далее прим. ред.).

2

Чаша, сделанная из высушенной тыквы.

3

Музыкант.

4

Ударный музыкальный инструмент, разновидность барабана.

5

Учитель.

6

Лет.

7

Участок земли, надел.

8

Месяцев.

9

Кафо – возрастные группы в племени мандинго. К первому кафо относятся дети в возрасте до 5 лет, ко второму кафо – от 5 до 10 лет, и т. д.

10

Лимонное сорго, или лемонграсс – высокое многолетнее травянистое растение, в странах Африки часто используется как приправа к чаю.

11

Мусульманский праведник, паломник.

12

Белый человек.

13

Пастбище.

14

Охотник.

15

Сухой и пыльный западноафриканский пассат. Он дует из Сахары по направлению к Гвинейскому заливу в период с конца ноября по начало марта.

16

Трава.

17

Половой член.

Купить: https://tellnovel.com/heyli_aleks/korni

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити